

АБ МИШЕ

ПРЕОБРАЖЕНИЯ ЕВРЕЯ

Тель-Авив, 2013

АБ МИШЕ

ПРЕОБРАЖЕНИЯ ЕВРЕЯ

Израиль, 2013 – 144 с.

ISBN 978–965–7386–78–1

© АБ МИШЕ (Анатолий Кардаш), 2013.

© Все права сохраняются за автором. Данная книга или любая ее часть не может быть воспроизведена в какой-либо форме без письменного разрешения автора.

© Издательство Veit Nelly Media, 2013.

Благодарю от души

За всестороннее редактирование рукописи -
д-ра Рафаила Нудельмана

За ценные корректирующие замечания -
д-ра Людмилу Дымерскую-Цигельман

За соучастие в судьбе рукописи -
Дину Рубину и д-ра Марка Амусина

За первые публикации фрагментов:
в сетевом портале «Заметки по еврейской истории»
(<http://berkovich-zametki.com/>) - **г. Евгения Берковича**

в газете «Окна» (Израиль) -
гг. Сергея Подражанского и Яна Топоровского,
снабдившего текст фотографией **А. Н. Мандрусова**

в газете «Шалом» (Чикаго, США) - **г. Евсея Цейтлина**

За разнообразную поддержку:
г. Лию Швец
г. Софью Сапиро
мою жену Елену Кардаш

Особое спасибо моему сыну **Анатолию Кардашу (мл.)**
за инициирование этого издания, его финансовое,
организационное и техническое обеспечение

Ушедшие недавно бесценные мои друзья
и единомышленники

Макс Борщевский
Леон Волович
Борис Лекарь
Марина Сталинская

Их светлой памяти посвящается эта книга.

Израиль. 1993 год, декабрь, ещё не разгулявшийся зимними мокрыми ветрами. Сухо, бархатное небо кудряво, между облаками солнце в синеве. В Мемориале еврейской Катастрофы Яд Вашем гости из России, два лётчика Второй мировой войны: стройный красавец Николай Скоморохов в маршальском мундире с двумя Золотыми Звёздами Героя Советского Союза и беловолосая Полина Гельман с такой же Звездой на неброском пиджаке. Пройдя аллеями Мемориала и мрачным подземельем музея, оглядев следы убийств и горестей войны, они вышли к дневному живому миру, где шелестели листья хорува, пахло хвоей и влагой с окрестных гор, а они не могли стряхнуть скорбь. Прощаясь с гидом, выдохнули каждый своё - маршал: «Что же это такое – люди? Что могут натворить?» (кажется, он с удовольствием вспомнил тридцать пять дымных хвостов за сбитыми им немецкими самолётами), героиня-лётчица: «Почему в этом музее почти ничего о евреях на войне? Не воевали?» - усмехнулась едко.

Помню, помню, как в 1942 году, в эвакуации, в среднеазиатской глубинке взрослые говорили, что евреи не воюют, и меня восьмилетнего убедили легко, потому что я наблюдал вокруг себя среди бежен-

цев мужчин с еврейскими лицами и не соображал, что это высланные сюда польские евреи, не подлежавшие тогда мобилизации в Красную Армию, и не прикинул даже, что в моей собственной семье четверо боеспособных мужчин (больше не было) ушли на фронт и трое там пропали.

Четвёртый вернулся в 1945-м, мой дядя, скромный майор в чугунных солдатских сапогах, голенища торчком. Победители тащили трофеи: кто часики, кто автомобиль. Дядя после четырёх лет фронтовой медицинской службы привёз только шахматы, да не германские – от своего, самодельные. В каком-то госпитале дядя занимался трудотерапией, доктор он был от Бога, раненных выволакивал с того света, и один из них вырезал своему спасителю подарок, изумительной тонкости фигурки: стройные ладьи, кони весёлые, короли и ферзи в деревянном кружеве – отделал доску-коробку и по краям её, разнежась, вывел печатными, одна в одну, буквами чувствительные благодарственные слова «военврачу 2 ранга Галилею Лазаревичу Бранденбургскому».

– Смотри-ка, – умилился я, – как постарался русский человек, грамотно выписал мудрёную фамилию, даже имя, для русского уха чудное. С евреями рядом воевал, евреем-врачом спасён, уж этот не скажет, будто евреи окопались в тылу.

Меня, тогда уже одиннадцати лет, злобный этот слух уязвлял не столько даже как еврея, сколько как пионера-интернационалиста.

Дядя усмехнулся: – У меня тут ещё один сувенир того же мастера.

Он достал круглую деревянную медаль, подобие фронтовых наград «За оборону Сталинграда»,

«За взятие Берлина»; на ней было с одной стороны: «Жиду», с другой по кругу: «За взятие Ташкента».

– Одновременно, – сказал дядя. – Шахматы мне, а медаль по госпиталю гуляла, раненные смеялись...

В войну евреи отсиживались в Ташкенте – такое устоялось народное мнение, его, огорчась, формулировал поэт-еврей Борис Слуцкий, тоже фронтовик: *«Иван воюет в окопе, Абрам торгует в рабкопе»*. Жид, известно, вояка-срака: ружьё с гнутым дулом – из-за угла стрелять. Евреи и сами-то с насмешечкой: *«А ид а кóзак»* («еврейский казак»). Себя сечь – особая еврейская сладость.

...Перед войной, в 1939 г. в Киеве снимали фильм «Щорс». Один из персонажей, украинско-советский герой, должен был подняться верхом по узкой лестнице на второй этаж. Его роль в этом трюке (спиной к зрителю) исполнил лучший кавалерист военного училища еврей Ефим Шлейфман.

Шлейфман позднее отвоевал Отечественную войну «от звонка до звонка», до звания полковника. В ту войну в Красной Армии 9 евреев были командирами и заместителями командиров крупных кавалерийских частей (полков, дивизий, корпусов).

...На фотографии плечистый казак: кубанка, газыри, портупея, клинок.

Это Залмон Моцкин из Паричей (Белоруссия), он в этой форме проскакал, пронёсся сквозь войну до города Ратибора «в Германии – проклятой стороне», как пели тог-

Залмон Моцкин

да. Там был убит 17 февраля 1945 г. *А ид а кóзак...* Бывший учитель, мирный, наверно, добрый, мягкий – местечковый. Впрочем, как знать? О нём написала в Яд Вашем сестра Моцкина Фрида, так и она отвоёвала в Черноморском флоте. Может, гены такие?

А ид а кóзак! Когда великий Генералиссимус Сталин, прежде чем стать главнопобедителем фашизма, выстелил свою армию под гитлеровский сапог, в немецкий плен одних генералов попало около девяноста. Двое были евреи – Григорий Зусманович и Аркадий Борисов (Шистер). Оба гарцевали на Гражданской войне, оба на ней заслужили высший тогда орден Красного Знамени. Оба героически погибли в немецком плену. Зусманович бунтовал, его в лагерях забили, истерзали. Борисов, сын портного из Бухары, лихой конник, победитель состязаний по джигитовке и рубке, с 1930 г. командовал кавалерийской бригадой. Арестованный в 1937-м, выдержал пытки сталинского следствия и четырёхлетнее заключение, а с началом войны был освобождён, брошен на фронт и уже в 1941 г. заслужил генеральское звание. Его кавалерийское соединение ходило через линию фронта, рушило немецкие тылы. В мае 1942 г. при выходе из «котла» под Харьковом (сталинская стратегия позволила тогда немцам окружить 350 тысяч советских солдат, вырвались только 22 тысячи) Борисов, раненный, в бессознательном состоянии был пленён. На первом же допросе выяснилось, что он, командир казаков – еврей. По словам выжившего очевидца, Борисов сам о том сказал немцам, добавив: «Плевать я на вас хотел!» Они его и расстреляли.

Кто об этом мог знать тогда? В годы войны слово о пленных могло быть только клеймящим. Или – никаких слов, молчок. Тем более о евреях.

В битве под Москвой на Калининском фронте 22 февраля 1942 г. бойцы 881-го стрелкового полка наткнулись на вражеский дзот – защищённый окоп, из его амбразуры пулемёт плевался смертью. Артиллерия стреляла по дзоту – без толку: пулемёт неуёмен, нападающие в землю вросли – головы не поднять. Еврей рядовой Абрам Левин («Абрам торгует в рабкопе»?) бросился на амбразуру, телом своим заглушил пулемётный огонь. Его однополчане под «Ура!» рванулись к деревне, захватили Жигарево. Год спустя, в феврале 1943-го под Псковом тот подвиг повторил русский солдат Александр Матросов: в ходе атаки закрыл собой амбразуру со смертоносным пулемётом. Матросов стал общенародным символом доблести, его посмертно наградили званием Героя Советского Союза, навечно зачислили в состав дивизии, где он служил, и назвали дивизию его именем.

А кто бы про Абрама Левина вспомнил? Кто бы наградил посмертно? Впрочем, говорят, в деревне Жигарево поставили ему памятник...

За тогдашним молчанием о фронтовиках-евреях маячит расхожее мнение – от яростного презрения до снисходительной брезгливости - о еврейской трусости.

Сейчас, десятилетия спустя, то ли временной отдалённостью смягчённый, то ли модой на полит-

корректность, уровень презрения несколько снизился, сник, однако и ныне ученики израильских школ, узнавая об уничтожении евреев в годы Катастрофы, не могут понять, как толпы боеспособных мужчин могли без сопротивления идти под выстрелы. Учителя, конечно, недостаточно объяснили ученикам совершенство нацистской технологии убийства, как и отсутствие в Советском Союзе этих самых боеспособных мужчин, ушедших на фронт, но дело ещё и в недостаточном знании истории евреев.

Больше двух тысяч лет назад греческий философ Аполлоний Молон обвинил евреев в трусости.

По тем временам такое не лезло ни в какие ворота: евреи славились как воины ещё с той поры, когда оба их царства – Израиль на севере и Иудея на юге – годами успешно воевали с соседями филистимлянами и арамеями, а потом неутомимо противостояли куда более могучим имперским армиям ассирийцев и вавилонян.

Война в древности часто была священным делом, религиозным занятием. «С нами Бог» - слова на кинжале гитлеровского эсэсовца, которые звучали и в речах русского полководца Суворова и Жанны д'Арк, - они катились к нам из библейских времён. Но одно дело язычники, другое – народ Единого Бога. С ним в битве заодно не какой-нибудь этрусский Марис или греческий Арес или даже грозный Ашшур ассирийцев, а Всемогущий Бог всей Вселенной. Меч древнего еврея направляла Вышняя длань, оттого и его самозабвенная неистовость в бою.

При восстании Маккавеев в 160 г. до н. э. в битве возле поселений Эльаши и Бар, когда погиб вождь евреев Иуда Маккавей, восемьсот его воинов целый день противостояли двадцати трём тысячам греков. В 73 г. почти тысяча евреев крепости Масада, осаждённой римлянами, убили себя, чтобы избежать плена. (Сегодня находятся неуёмные разоблачители этого рассказа Иосифа Флавия, но даже легенда такая показательна: самоубийственный меч не удержит дрожащая рука труса)

Римские историки, скрепя юдофобскую свою душу, честно писали о доблести евреев в войнах против римлян. Дион Кассий: *«Во гневе племя их [евреев] страшно»; «Полководец Юлий Север не осмелился напасть на евреев, видя их численность и отчаянную храбрость».* Публий Корнелий Тацит: *«Взятие Иерусалима – дело серьёзное и трудное, не столько вследствие тех средств сопротивления, коими располагали осаждённые [евреи], сколько вследствие их упрямого фанатизма»* [1, 199-200]. Александр Македонский всю свою империю завоевал с 32 тысячами солдат, а для взятия Иерусалима в Иудейскую войну римлянам потребовалось 80-тысячная армия против двадцати трёх тысяч воинов-евреев. И как гордился победой вождь римлян Тит: *«Я покорил народ еврейский и разрушил город Иерусалим; до сих пор все полководцы, цари и народы либо безрезультатно осаждали его, либо даже вовсе не решались на него напасть»* [1, 200]. (Приврал слегка, да кто ж судит победителя?)

А за двести лет до того в Египте, где правили греческие цари династии Птолемея, до тридцати тысяч

еврейских солдат составляли гарнизоны местных крепостей; евреи были полицейскими, таможенниками на Ниле, стражниками на беспокойной границе с Нубией; евреи Ониас, Досифей, Хелкия и Ханания становились главнокомандующими египетским войском. Это во II веке до н.э., как раз во времена Аполлония Молона. Но злость попирает правду!

Два моря: Эгейское справа, Средиземное слева. Колоче обжигающий воздух, прокаленная земля, горы, кипарисы, козы, вино, сливы – остров Родос. Оливы, перекрученные веками... Изваяние Лаокоона с сыновьями, извивающимися в смертельных змеиных кольцах... Колоннада храма Аполлона... Амфитеатр, куда приходили упражняться ораторы... *«Я приехал на Родос брать у Молона уроки риторики»* – писал учившийся в здешней философской школе Марк Туллий Цицерон об Аполлонии Молоне: *«Это одарённый оратор, исключительный писатель и человек, отличающийся тонкостью суждения. Учит он мудро...»* Среди покоривших юдофоба Цицерона мудростей Аполлона Молона было «Евреи - трусы».

Славнейшая слава Родоса – Колосс. Двенадцать лет вздымал скульптор Харет статую бога Солнца, Гелиоса, вышел он тридцати с лишним метров, над головой бог держал чашу с огнём. Согласно одной из легенд, корабли тянулись на тот огонь и между непомерных ног бога проходили в гавань. «Чудо света» - говорили тогда; родосцев стали именовать «колоссянами».

Семидесяти лет не прошло и – бац! – землетрясение, рухнул бронзовый гигант. «Боги разгневались» -

поняли колоссяне и убоялись подходить к обломкам. Через тысячу лет захватившие Родос арабы продали остатки Колосса какому-то еврею, и тот на девятистах верблюдах умыкнул раскуроченную землетрясением статую невесть куда. Исчезло великое чудо, кануло без следа. *«Все́му своё время, и время всякой вещи под небом... Всё возвратится в прах»* [*Экклезиаст*, 3:1, 20]. Через двадцать пять веков от храма Аполлона только три колонны к небу прислонились бестолково.

Бренная материя. А бранное слово живуче. Сквозь века, сквозь страны. Куда художеству Харета до ораторства Аполлония Молона! Хотя он еврейскую трусость определил довольно туманно: *«Евреи в бою подменяют храбрость безумной и дерзкой отвагой»*. «Безумная» - как бы неприличная, дурная, бешенство отчаяния, но и про ту отвагу не услышалось, зато отсутствие храбрости – отпечаталось в умах клеймом на тысячелетия.

В 1990-х годах израильская пресса приводила слова одного из самых славных израильтян, строителя страны и армии, солдата и генерала нескольких войн: *«Евреи на русском фронте? Знаем! «Вперёд, в атаку!»*, а сзади солдат с автоматом»... Почему бы ему не зайти в Яд Вашем, посмотреть в Зале Имён Листы-анкеты евреев, убитых в годы *Шоа* (Катастрофы евреев в XX в. – ивр.).

Из документов Мемориала Яд Вашем (Листов на погибших, писем, записок, свидетельств; здесь и далее тексты документов публикуются курсивом и с сохранением орфографии):

Лунский Гриша, 1912 г. р., из Белостока, погиб в партизанах в 1943 году. В 1949 г. награждён посмертно Золотым крестом за заслуги.

Тухмахер Пола, 28 лет, Варшавское гетто. Выхватила у немца оружие, выстрелила в него и застрелилась.

Розенблат Меир, г. Вена, бежал в Италию, где отказался креститься, чтобы спастись. Схвачен и убит.

Супикова Люба, 39 лет, в Хуторе Михайловске (Россия) расстреляна, так как она прятала Красное знамя.

Инвентаж Иоссел, 72 года, кузнец, г. Полтук (Польша), застрелен в 1940 г. нацистами за то, что убил офицера СС.

Кацнельсон Лея, 1878 г. р., домохозяйка, мать десяти детей. В Киеве, в сентябре 1941 г., узнав, что немцы собирают всех евреев, отравила себя и парализованного мужа.

Нирман Шимон, 1905 г.р., Белоруссия, музыкант и бухгалтер. Убил немца, который толкнул в яму его дочерей.

Коган Зина, 20 лет, радистка военного самолёта, сгорела в самолёте в боевом вылете в 1941 году.

Двубабный Исак, 1924 г.р., бондарь, погиб в 1943 году при освобождении Керчи. Герой Советского Союза.

Ваксман Исэр, 1923 г. р., учитель, погиб от снайперской пули. Герой Советского Союза.

Давидович Миша, 13 лет, из Новозыбкова Брянской области, партизан. Погиб при возвращении с задания, подорвал себя и окруживших его фашистов.

Темник Абрам, 1907 г. р., полковник, командир танковой бригады, погиб в боях за Берлин 29 апреля 1945 года. Герой Советского Союза. (Танкист Темник воевал в 1939 г. с японцами на Дальнем Востоке, а в Отечественную войну, начав её командиром батальона, прошёл бои под Сталинградом, Курском, в Польше и Германии, став к осени 1944 г. полковником, командиром бригады в танковом корпусе другого еврея генерал-лейтенанта Семёна Кривошеина. Корпус воевал в составе танковой армии генерал-полковника Михаила Катукова. Перед штурмом Берлина командующий Георгий Жуков написал Катукову: «На тебя возложена историческая миссия: стать первым, кто заходит в Берлин. Выбери лучшую бригаду для прорыва в Берлин и водружения там знамени победы...» Катуков выбрал, и бригада Абрама Темника возглавила наступление на гитлеровскую столицу, форсировала реку Шпрее, захватила аэропорты, вступила в тяжёлые уличные бои, неся огромные потери. Темник погиб от взрыва мины, ведя подчинённых на штурм Рейхстага, 25 апреля 1945 г., за две недели до окончания войны [2, 127, 136]).

Абрам Темник (возле водителя)

А вокруг талдычится «Жид – дрожит», «Жид от пули бежит»... Анекдоты вьются о евреях в бою: Рабинович, в окопе скорчась, кричит «Не стреляйте, здесь же люди!»; по команде «Вперёд, орлы!» евреи в атаку не бегут: «Мы не орлы, мы – львы: Лев Абрамович, Лев Давыдович...»

Может быть, нет дыма без огня?..

В Библии достаточно примеров еврейской свирепости в войнах с другими народами. Здесь не одна лишь религиозная нетерпимость бушует. Когда древним евреям, после потери своего государства придавленным неволей в ярме завоевателей, становилось невмоготу от страданий, они мечтали о мести. Именно в периоды угнетения греками (времена Маккавеев) или вавилонянами рождались еврейские фантазии о каре мучителям, словно проявлялись в крови гены давнишнего доблестного бешенства. И слагалась Книга Эстер, где в ответ на грозящее истребление евреи радостным махом победного меча вмиг уничтожают 75 тысяч своих ненавистников. И в книге Юдифи того же периода известный из Библии эпизод вероломного убийства сыновьями Иакова жителей города Сихема (Шхема) перетолкован как праведный акт мести: «*О Бог моего предка... давший ему в руку меч для мести!..*» А ответом на разрушение Первого Храма зазвучал Псалом «На реках Вавилонских», которого окончание: «*Блажен... кто плач Израиля сторицей На притеснителях отмстит! Кто в дом тирана меч и пламень И смерть ужасную внесёт! И с ярким хохотом о камень Его младенцев разобьёт!*» (перевод Николая Языкова) [1, 150]. После

страшного александрийского погрома 38 г. еврейская книга «Премудрости Соломона», прозрачно перенося на современность историю Исхода из Египта, услаждает сердце читателя-единоплеменника десятью страшными казнями египетскими, ниспосланными Богом в отместку мучителям евреев.

Историк Соломон Лурье: *«У народа, привыкшего в течение многих столетий к унижениям и угнетениям, атрофировалось в целях самосохранения естественное чувство живой ненависти к притеснителям и умение живо, немедленно, рефлексивно реагировать на обиду! ...они кипели мстью, но многовековая дрессировка приучила их загонять это чувство внутрь себя и не давать ему проявляться... Инстинкт национального самосохранения приучил их вовсе не реагировать на менее тяжёлые обиды, а на более тяжёлые реагировать не рефлексом, а разумом. [Такой реакцией было и] то упорство, с которым евреям стремились к достижению фактического влияния в стране. Но, с точки зрения античной морали такой способ реагировать на обиду считался недостойным... Результатом... явилось чувство гадливости и презрения к евреям, их третируют как «паршивых жидов». Евреи, со своей стороны, эту естественно-возникшую черту... не преминули возвести в ранг добродетели. Жажда мести - грех, так как надо любить все Божьи создания; чувство самолюбия, реагирование на обиду – преступная гордыня... Христианский принцип: «ударившему в правую щеку подставь левую» не что иное, как вышедшая из недр еврейства утрировка этой специфической национальной особенности, уже евреями возведенной в ранг добродетели» [1, 157, 165-6].*

Фридрих Ницше говорил о рессентименте («злопамятность, враждебность» - фр.) народа, лишённого государственной мощи и объявившего бессилие добродетелью. «Мораль рабов» по словам Ницше.

С. Лурье писал об античном времени. Что же говорить о евреях после потери ими в I в. своего государства и погружения в трясину *галута*? *Галут* (ивр.) переводится греческим «диаспора» и русским «изгнание», «рассеяние». Имеется в виду жизнь в иноземных пространствах. Но замечает израильская исследовательница Людмила Дымерская-Цигельман: еврейский галут – не пребывание в диаспоре представителей других народов, которые, за малым исключением, просто живут вне своих государств. У евреев-то до середины XX в. такого государства не было. Жизнь по воле ветров, дующих вразнобой. И никакого ниоткуда подспоря.

Как же мог бессильный народ, распыленный среди враждебного населения, защититься от гонений? Восстать – сгинешь. Значит, жить, зубы стиснув, порыв давя, заглушая, загоняя в закоулки души. И душа обминается, гаснет пыл, воин сникает в торговца, ярость ужимается в терпение, стиснутые челюсти разжимаются. Львиная грива завивается овечьими локонами.

Не сразу угасла еврейская боевитость. Она всплеснула победой восстания Маккавеев в I в. до н.э. и отчаянной яростью осаждённого римлянами Иерусалима в Иудейскую войну 66-73 гг. Аскетичная секта ессеев чуралась оружия и в храме Иеруса-

лимском не молилась, но припекло их душу еврейским патриотизмом и бросились ессеи сражаться за погибающий храм. А ещё через шестьдесят лет снова схлестнулась маленькая Иудея с могучей империей: три года, со 132-го по 135-й подавляли римляне восстание Бар-Кохбы, пятьдесят битв откровались, полностью полёг римский 22-й легион, а всего участвовало в боях 12 легионов римлян, десятки тысяч солдат, 50 крепостей и 985 селений пришлось им разрушить, 580 тысяч евреев убить (цифры римского историка Диона Кассия)...

В русских былинах *«Жидовин могуч богатырь... наезжал на Добрыню на Никитича»*.

Но время текло, средневековая жизнь по чужим углам-странам направляла еврея, пригибала, прибавала, кривя и калеча.

Куда, скажем, было податься еврею из-под крестового меча – двести лет он нависал над головой и опускался не раз. От кого ждать защиты? Только от Бога. *«Шма (слушай - ивр.), Израель, Бог наш Единый!»* зывали евреи и шли на костры, убивали собственных детей, лишь бы не креститься, не изменить...

Библейский Авраам во имя Бога занёс нож на первенца своего Исаака. На иврите это называется *акедá* – «связывание» по аналогии с закланием агнца на жертвеннике. Исаак из Вормса, противясь крещению, зарезал двух собственных детей, потом сжёг свой дом и синагогу, и себя в ней - чем не *акедá*? Традиция мученичества. Жертвы освящаются, погибших за религию евреи теперь назы-

вают *кдушим* – святые, они Божьи воины, павшие в битве за веру. Суррогат сопротивления, утешение немощных. *«Пусть кровь благочестивых станет нашим достоинством и нашим искуплением – для нас самих, для наших детей, для наших внуков, для всех последующих поколений, подобно Аврааму, возложившему своего сына на жертвенник»*, - писал современник [3, 233].

Возможно, христиане и евреи равно ненавидели друг друга. Но христиане свою ненависть реализовали **делом** – избиениями, а евреи – **демагогией** самообмана и проклятиями, которые выкрикивались в их хрониках, чем бессильнее, тем яростнее: христианскую церковь обзывали «местом порока» и «Римской блудницей», крещение – «скверной», Христа – «повешенным», христиан – «собаками» («мучительная ненависть бессилия» - ницшеанское понятие). Эти хроники – не просто литература. Они значимы религиозно: они стали частями иудейского богослужения и, следовательно, частью национальной традиции. Традиции поджечь хвост и держать фигу в кармане.

Упоённо предавая свои души и тела Ему, Всомогущему и Справедливому, евреи в грохоте погромов не могли не поразиться несовпадению: они к Нему всем сердцем, а Он к ним бесконечными казнями. Где твоя Справедливость, Всевышний? За что? Вопрос-воплъ Иова.

Ответ мог быть лишь один: за грехи. В глазах христиан евреи были вечно повинны в смерти Христа, в собственных глазах евреи нашли себя виновными в недостаточном рвении к Богу – ведь избранный народ, «светоч между народами», с них

спрос особый, и не успеть соблюсти все бесчисленные предписания Свыше... Из тех же еврейских хроник: *«Ни один пророк, ни один мудрец и ни один учёный не может постичь, почему грехи общины показались такими тяжёлыми, что только одна смерть могла их искупить... Но воистину Он – справедливый судья, и вся вина падает на нас»* [3, 233]. Себя винить – дело нехитрое, евреям привычное со времён пророков.

Складывался новый тип еврея – изнурённого погромщиками и сознанием вины, покорного карающей судьбе - «галутного» (живущего в изгнании – галуте). Древний иудей, от которого бежали греческие воины, неукротимый герой Масады и гладиаторских боёв сменился сперва евреем, силящимся в чужом краю уважить себя званием носителя Божественной истины, а затем христианство его «опустило» (хамский тюремный глагол здесь к месту) к рабской подчинённости року.

До крестовых походов евреев в Европе не жаловали, но кровь текла не часто, юдофобская пропаганда церкви ещё не набрала обороты и паства, евреев не любя, не распалась по-настоящему вплоть до XI века. Евреи, например, среди христиан Франции жили достаточно благополучно: по своим законам, успешно торгуя и посредничая, владея землёй, нося оружие. Но когда первые крестоносцы в 1096 году вырезали в Майнце 700 евреев, то по словам христианского летописца: *«Евреи, видя как христиане пошли с оружием в руках на них и их детей..., сами взяли за оружие, которое они направили на своих единоверцев, на своих жён и детей, матерей и отцов, и сами истребили друг друга»* [3, 207].

Тогда евреи ещё могли поднять меч, но опускали его уже на собственные головы. Позднее ни оружия не будет, ни силы в руках. Дорога к «еврею-трусу», «еврею-ничтожеству», «еврею-крысе» или «вши».

Преображению еврея многое помогало. Не было у них собственного государства, требующего воинской заботы. Со II в. евреи, самосохраняясь, отказывались носить оружие, а позднее во многих странах им это и хозяева – христиане и мусульмане – запретили, как и ездить верхом на лошади, как и появляться без позорящего знака – правила, унижающие, обессиливающие.

Римская церковь смекнула, что евреи полезны как вечное подтверждение явления Христа, а сверх того, выгодны при торгово-финансовых хлопотах в феодальном хозяйстве - и было решено, что убивать их не сто́ит. Но, как указал в 1205 г. христианским королям Европы папа Иннокентий III, на фоне коллег по престолу более благосклонный к евреям: *«Все монархи обязаны поработать евреев и держать обособленно в качестве бесправного и низшего состояния»* [4, 71].

Оно и исполнялось. Случались кое-где и кое-когда послабления, но общий порядок, устанавливаемый соборами – высшими законодательными органами церкви, соблюдался. Чтó только евреям ни запрещалось на протяжении средневековья! Землевладение, государственная и общественная служба, лечение христиан, браки с ними и совместная еда, проживание в одних домах, содержание христианской прислуги, и просто любые сношения с христианами, соблюде-

ние еврейских праздников, посещение христианских гостиниц и бань... Евреям не разрешалось то строить новые синагоги, то украшать их, выходить на улицу во время христианского праздника, а в дни христианского поста принимать пищу. Они обязаны были «не унижать христиан своим щегольством в одежде». Показания еврея в суде не имели доказательной силы. Четвёртый Латеранский собор 1215 г., приняв ряд постановлений, которые унижали евреев, завершил их введением отличительного знака для них: жёлтый круг ввела Франция, особые головные уборы Германия, Польша, Испания, жёлтый воротник евреи носили в Праге, изображение колеса в Будапеште, Скрижалей Завета в Англии – фантазия христианских властей гуляла. В Кастилии и на Сицилии евреи должны были носить бороды. На Крите метились еврейские лавки. Знак призывал презирать и преследовать еврея. Погромы хорошо взращивали еврейскую покорность – попробуй супротив! Католический теолог Эдвард Фланнери: *«В 1389 г. в Праге еврейские. дети, играя, осыпали песком священника, несшего гостию. Евреи были наказаны, но ответили насилем. В отместку... было убито три тысячи евреев, сожжена синагога и уничтожен свиток Торы»* [5, 118].

В странах ислама евреи, как и все неверные – *зимми* – считались арендаторами земли, отданной Аллахом мусульманам; за пользование ею они платили налог и, например, в Марокко ещё и в XIX веке были крепостными – имуществом хозяина, как инвентарь, как скот. Все зимми платили и подушный налог-*джизью* с обязательным обрядом унижения. Английская исследовательница Бат-Йеор приводит указания XV-XVI вв. о порядке взимания джизьи:

«Надлежит собрать [зимми] в общественном месте, например, на базаре. Там заставить их ждать, стоя в самом низком и грязном месте. Собирающие дань представители закона, сидящие на возвышении, должны принять угрожающую позу, дабы зимми и все прочие почувствовали, что цель наша – унижить их...»

Зимми выступает вперёд, держа свою дань на ладони протянутой руки, сановник же берёт её таким образом, чтобы его рука была сверху... Вслед за тем эмир ударяет зимми кулаком по шее; стоящий подле эмира служитель поспешно отгоняет зимми прочь... Следует допускать всех желающих [мусульман] любоваться на это зрелище. Никому из зимми не дозволяется посылать вместо себя третье лицо для уплаты джизьи, ибо все они должны лично подвергаться этому унижению; как знать, может быть, в конце концов они уверуют в Аллаха и его Пророка и тем освободятся от своего мерзкого ярма».

Печать об уплате джизьи на запястье или на груди, дающая право на перемещения, являлась знаком бесчестия. Престижные профессии, вроде драгомана (переводчика) в Османской империи, были запретны для плательщиков джизьи.

Халиф Аль-Мутаваккил в 850 г. повелел неверным носить отличительную одежду с нашивками. При езде верхом им полагались деревянные стремена и седло с притороченными шарами. *«И ещё он повелел, дабы... минтака [арабский воинский пояс] надевать не смели».*

В XVIII в. датский путешественник удивлялся: *«В Каире ни христианам, ни евреям не разрешается показываться верхом на лошади. Они ездят только*

на ослах и при встрече с самым даже незначительным египетским господином обязаны соскакивать наземь... Чтобы предупредить о приближении [такого господина]... вначале в моих разъездах по Каиру я посылал вперёд моего янычара, а слуге моему велел ехать за мной, оба были верхом на ослах... как и я сам. Но после испытанного мной унижения, когда эти два мусульманина спокойно оставались в сёдлах, тогда как мне приходилось спешиваться, я решил ходить пешком».

Другой европеец в Тунисе в 1800 г. наблюдает: «Мавританские женщины не считают нужным закрываться чадрой перед евреем, в котором видят всего лишь нечистое животное». Ещё один свидетель в странах Северной Африки (1870 г.): «[Еврей] обязаны были жить в особом квартале, не смея появляться на улице после захода солнца... Им нельзя было ездить ни на лошадях, ни на мулах, и даже на ослах дозволялось ездить только за городом; у городских ворот им полагалось спешиваться и далее шагать по середине мостовой, чтобы не мешать арабам... Приближаясь к мечети, они должны были разуться и пройти мимо священного здания, отвертив от него взгляд... Стоило, чтобы одному [из мусульман] показалось, что еврей оскорбил его, он убивал этого еврея... и в наказание лишь платил штраф государству» [6, 60, 84-5, 103, 221, 250].

Мусульманские запреты относились и к евреям, и к христианам, но за спиной христиан стояли европейские страны с их послами и консулами, которые могли заступиться за единоверцев. Евреи же оставались всегда беззащитны и свою порцию помоев получали сполна.

Самому за себя не постоять; выходит, надо искать защиты – опять-таки унижаться. Еврей становился жертвой – таким его видели все, он сам тоже.

Выжить для средневекового еврея значило: подладиться, подольститься. Ростовщику перед рыцарем или бюргером – только шапку ломать. Скромность – лучшее, что может вырасти на такой почве, об остальных качествах удобнее помолчать.

«Человек должен быть скромным... Держи голову склонённой, глаза опущенными...» - учил в XIII в. раби Моисей из Эвре (Франция), а один из столпов еврейской мысли раби Моше бен Нахман (Рамбан) предостерегал евреев от употребления в пищу мяса хищных птиц, чтобы не дай бог не перенять их жестокость и агрессивность. В XV в. знаменитый раввин в послании к еврейским общинам Германии по поводу угрозы погромов напоминает: *«Общины должны постоянно помнить стих: "Блажен человек, который всегда пребывает в страхе" (Притчи Соломона, 28, 14)»* и подписывается так: *«человек, который не способен царствовать, который пишет, исполнившись смирения, ничтожный Иосиф Колон»* [3, 207, 277-8].

Борис Чичибабин («Еврейскому народу»): *«Помутилось семя Ветхого Сиона. Догорели страсти, Опустились плечи, Ни земли, ни власти, Ни высокой речи...»*

Ещё и через века, в XX в. Жан-Поль Сартр заметит: *«Евреи – самые кроткие из людей. Страстно, самозабвенно выступают они против всякого насилия...»* Сартр восхищается, но на обороте той медали рисуются еврейские погромы и дымы Освенцима.

Украинская Хмельничина - очередной этап уродования массового еврейского сознания. Религиозные авторитеты евреев уравнивали казацкие жертвы с «мучениками за веру» эпохи крестоносцев. Те же грехи избранного народа – те же муки. Подтверждалась неизбывность и обречённости евреев, и их вины – их положения жертвы. Вослед Хмельничине разыграла новая волна народных надежд на очередного «спасителя» Саббатая Цви – массовый психоз развеялся с крахом саббатизма, что многим евреям показалось дополнительным указанием на безысходность их судьбы. Еврейская душа крепче прежнего познавала свою долю - приучалась к будущей нацистской бойне.

Еврейский философ Моисей Мендельсон в XVIII в. отмечал: *«Гнёт, под которым мы живём уже столько столетий, лишил наши души мужества... Естественное стремление к свободе не находит среди нас своего проявления. Оно... выражается лишь в молитвах и страданиях, но не в активных действиях...»*; *«Месть ищет для себя объект, и если она не может обратиться вовне, она начинает грызть собственную плоть...»* [7, 68].

В биологических опытах крысу в клетке колотят электрическим током, она мечется в поисках выхода, потом, отчаявшись, ложится на пол клетки и, когда ей открывают дверцу – уже не уходит на свободу. Так рождался «жертвенный еврей».

Евреи никогда не забывали о своей избранности. Стремление христиан или мусульман обратить евреев в свою веру служило как бы дополнительным

доказательством особой ценности еврейской души. Еврейская гордость росла, гонители оказывались всё ниже и ниже. На презрение к себе евреи отвечали презрением ещё бóльшим: у них-то ведь не было другой силы для самоутверждения. В I в. Иосиф Флавий на оскорбления грека-юдофоба Апиона отвечал пламенным сочинением – через полторы тысячи лет на все публичные поношения еврейский язык не поворачивался ответить. Преследователи, по мнению евреев, преступили все границы человечности, они – нелюди, говорить с ними унизительно и бесполезно (разве что «диспуты» при крайней нужде, под угрозой смерти), остаётся терпеть. Терпение во имя веры – высшая доблесть. Страдание послано евреям Всевышним в качестве наказания, но оно и знак избранности, иначе говоря, Его особой любви. Еврейская диалектика!

Она тянулась ещё из II века. *«Страдание драгоценно!»* - утверждал рабби Акива. Талмуд: *«Еврейскому народу не подобает радоваться, как другим народам»* [3, 280]. В Европе XI-XV вв. это правило стало для евреев обыденностью. И они возвели его в предмет гордости. В Пурим, Песах, Симхат Тора немного дозволенного веселья, а будни суровы, даже театр и танцы мальчиков с девочками – запрещённый «разврат», как и азартные игры, как и женские украшения; все ходят в чёрных или серых одеждах... Так одевались, так готовили себя в тяжкую унылую дорогу – так выволакивали себя на убой.

«Овцы на бойне» - выражение само по себе не обидное, в Библии оно описывает обряд жертво-

приношения – но сразу после войны приклеенное к истреблённым нацистами евреям оно обвинением жертв Шоа пошло гулять по миру и, того дурнее, по Израилю. Мы тут, в новорождённой стране героивоители, а те, там, ничтожные «жиды», галутный поток на смерть.

Уже в самый первый после Шоа праздничный предпасхальный вечер в одном из кибуцов Израиля сочинили и зачитали *агаду* (назидание, притча – ивр.) с таким текстом: *«Не только Гитлер в ответе за погибшие шесть миллионов, но мы все, а прежде всего сами шесть миллионов. Если бы они чувствовали в себе силу, они не дали бы себя убить. Самоуничтожение гетто и галута внесло свой вклад в великое уничтожение евреев».*

В израильских школах много лет Шоа упоминали разве что в связи с восстанием Варшавского гетто. Да и о том цедили сквозь зубы, нехотя, с прикидкой, что здесь, в Палестине, тоже воевали против турок, англичан, тех же немцев и победа налицо: создали для евреев государство. А те, погибшие, своими восстаниями ничего не создали, никого не спасли, пали без толку. Обнаружились и радетели религии, которые припомнили, что согласно пророкам воевать грешно, что рисковать своей жизнью, данной Всевышним, еврей не имеет права – тут уже и восстание в гетто или Трешлинке становилось делом сомнительным, а о простых жертвах и вовсе вспоминать нечего; один, извините, стыд...

Спорили, нужно ли создавать Яд Вашем - Мемориал памяти жертв Шоа, не затмит ли он доблесть воинов государства Израиль; как назвать, чтобы выделить героев сопротивления, а не жертвы...

Спасшихся из огня Шоа называли, оттопырив презрительно губу, «мыло», имея в виду вытапливание нацистами мыла из трупов заключённых в концлагерях.

Потребовалось в 1961 г. прогреметь процессу Эйхмана, прокричать на нём сотне свидетелей, пролистнуться полутора тысячам документов, проблеснуть первым телерепортажам из зала суда – чтобы ошеломлённые зрители, а главное, молодёжь израильская, поняли, что ближневосточные драки не идут в сравнение с грандиозной молотилкой нацизма, и почуяли ужас Шоа, и повернулись к чёрному прошлому. И в 1967 году уже хватило всего двух недель, чтобы израильтяне примерили Шоа на себя. Две недели перед Шестидневной войной, с момента, когда Египет заблокировал морские подходы с юга к Израилю и вместе с Сирией непрерывно вещал, что Израилю конец, вот-вот его сбросят в море. Тьма нависала с Востока, от «соцлагеря», остальные страны, такие либеральные, такие «свободные», такие к Израилю благосклонные, вели себя дипломатично-отчуждённо. Израильтяне ощутили, что они одни, что враг подавляющ, что пропасть – вот она, завтра, сейчас...

Израильтянка, когда-то оказавшаяся заложницей в самолёте, захваченном арабскими террористами, рассказывала потом о минутах, когда бандиты стали выбирать из пассажиров евреев для уничтожения. «Я тогда поняла, что такое селекция перед смертью, я в первый раз почувствовала, что значит Катастрофа!» - вскрикивала воспоминательница, и глаза её расплёскивали ужас. Она побывала всего лишь сколько-то минут «овцой на бойне»...

Сегодня социологи отмечают ослабление-«ветшание» образа «жертвенного еврея» – неужто и впрямь просвечивают после Шoa новые времена?

Тут ведь многое может сойтись, с самых разных сторон. Евреи и их сопереживатели унимают свою саднящую память о Катастрофе, а потомки гонителей облегчают совесть. Антисемитам мешает мученический нимб евреев, никак он не идёт «злодеям» вековечным. Самые бойкие из юдофобов, палестинская пропагандистская шпана, проталкивают на место жертвы вместо евреев – себя: волк в бабушкином чепчике. Победные войны Израиля в свою очередь заставляют уважить еврея-бойца.

...Отгремели погромы чумного XIV века, в следующем XV-м пропахали моря корабли с испанскими изгнанниками, отплескала португальская купель насильственного крещения – а с XVI в. стихают преследования евреев в Западной Европе. 200 лет еврейские общины живут здесь спокойнее прежнего и, боясь потерять ненадёжное своё благополучие, любых перемен остерегаясь, хранят в незыблемости устоявшийся образ жизни и мысли. К XVIII в. они приходят застывшими посреди стремительно развивающегося европейского христианского мира, пережившего эпохи Возрождения, Реформации, религиозных войн, Просвещения...

Но не вовсе неподвижно еврейство. Его энергия и предприимчивость, как их ни загоняй внутрь, прорывались то купеческой или финансовой активностью, то совсем уж неожиданным для робких евреев

появлением с XVI века в немецких землях еврейских бандитов.

Бунтари, не покорные ни нормам традиционной еврейской робости, ни давящему христианскому окружению – может быть, их было не так уж много, но в немецкой разбойничьей среде они были не просто заметны, они задавали тон. В 1520 г. в предисловии к книге о немецком бандитизме вождь Реформации Мартин Лютер, отмечая разбой среди еврейских «дьявольских козней», писал: *«Воровской язык происходит от евреев, поскольку в нём много еврейских слов, как это заметят все те, кто знает иврит»*. Леон Поляков приводит сообщение тогдашней полиции: еврейские бандиты являются хорошими мужьями и отцами семейств, отличаются исключительной набожностью и никогда не воруют по субботам... Из их блатного жаргона, представляющего собой причудливую переделку иврита, многочисленные слова перешли в немецкую обычную речь. *«Еврейские обычаи и религия привлекали многих немецких молодых людей дурного нрава. Заключённые христиане в одной из тюрем Берлина потребовали разрешения присутствовать на еврейских богослужениях. Самый знаменитый главарь банды 17 века Домиан Гессель, бывший семинарист, находясь на эшафоте, попросил, чтобы при казни присутствовал раввин»* [3, 327-8]. Вероятно, еврейские разбойники были достаточно удачливыми, чтобы их обычаи смогли привлечь немецких коллег.

Среди пиратов того времени тоже нашлись евреи. Словно бы оживилась полуторатысячелетняя давность: в I в. в Средиземном море разбойничала фло-

тилия Иосифа бен Иоэля: семь лет его люди грабили торговые суда, убивали купцов и моряков. Лишь после долгого преследования римляне в 73 г. покончили с пиратами.

Морской разбой евреев объявился снова только в XVI в. После изгнания из Испании и Португалии бывшие тамошние моряки-евреи Яков Куриэль и Моисей Коэн стали мстить этим странам, захватывая их корабли. Флотилия Коэна потом пиратствовала у берегов Африки и Южной Америки, он основал даже на одном из островов Карибского моря еврейскую республику, где жили по законам Торы; в 1637 г. её прикончил флот голландской Вест-Индской компании.

Ещё два пирата из испанских марранов Антонио де Каррахаль и Симон де Касарес вернулись в иудаизм и сформировали в Латинской Америке объединённую армию из таких же евреев, местных индейцев и английских протестантов – все враги свирепствовавших здесь испанских завоевателей. В 1655 г. Каррахаль и Касарес предложили Кромвелю с их помощью отнять у испанцев Чили, а когда Кромвель не решился, они самостоятельно пошли на войну помельче: ограбили остров Ямайку и, уходя, оставили там шпионов, которые передавали Англии сведения, подготовившие завоевание через год Ямайки английскими войсками, чьей главной ударной силой были испанские евреи и индейцы. Евреи и потом пиратствовали и шпионили в Южной Америке. Шифрованные донесения их агентуры показывают сегодня в национальном музее Чили; основа шифра – буквы иврита.

Спустя примерно 150 лет еврей-пираты, братья Жан и Пьер Лафитты, американцы, дети испанских

Жан Лафитт

марранов, казнённых инквизицией за приверженность к иудаизму, создали целых два пиратских государств. Братья Лафитты поражали размахом грабежей, орудуя по всему Мексиканскому заливу, команда их 20 кораблей насчитывала больше тысячи человек. Грабя и убивая, братья не забывали вкладывать деньги в еврейскую общину Нового Орлеана, включая постройку синагоги.

Лихость потомков испанских евреев не объясняется ли правом их отцов и дедов пользоваться оружием?

Польша XIII - XIV веков дала евреям среди многих льгот право носить оружие. Может быть, отголосками отозвались в XVII в. одиннадцать евреев в запорожском казачьем войске на подвластных Польше землях Украины, а в конце XVIII в. еврейский отряд Берега Иоселевича, воспетого поляками за воинскую доблесть в восстании Костюшко и в наполеоновских войнах. Однако эти единичные примеры – не основание для приятных еврейскому сердцу обобщений. Наверно, евреи Польши не слишком много воинского рвения проявили, если бытовала в польском народе поговорка о ненужной вещи: «Пригодится, как сабля еврею». И хотя про еврея-казака летописец запорожцев пишет, что «рыцарь еврей Бераха» погиб в битве геройски, спустя немного времени вождь казаков Богдан Хмельницкий с презрением замечает о своих врагах-поляках: их бояться нечего, ибо в поль-

ском войске много жидов [8, 365]. Ни слава польского полковника еврея Берека Иоселевича, ни подвиги его сына, тоже польского офицера Юзефа Берковича и сотен евреев-добровольцев, сражавшихся в 1830-31 гг. в следующем восстании поляков против России, не помешали тогдашнему военному министру Польши заявить, что шляхтичу не приличествует воевать рядом с евреями. Презрение к евреям сохранялось и боевого духа им не прибавляло.

Хотя шёл XIX в., Европа равенства и братства строила новые капиталистические государства, и евреям померещились шансы «быть, как все», а самый короткий путь к этому высвечивался блеском боевых наград – евреи, кто посмелее или попроворней, потянулись к воинской службе...

Равенство с народом-хозяином страны предполагало для евреев право и обязанность защищать эту страну. Так повелось уже с конца XVIII в.: в США евреи пошли в армию в 1783 г., во Франции в 1791-м, в Голландии в 1796-м. Кому-то служба была в радость, а многим – в тягость. Оттого и колебалось еврейское общественное мнение, боязливое и к тому же отягощённое традиционными религиозными соображениями: «пророки осуждали войну»; «человеческая жизнь – священное творение Божье, не посягни!»; «как, воюя, соблюсти субботу или кошерность питания?» Завязывались довольно любопытные проблемы, в каждой стране свои.

Когда в Австро-Венгрии в 1787 г. призвали в армию евреев (только часть и только в обозы, ибо австрийцы твёрдо числили их в трусах), галицийские евреи воспротивились набору по религиозным соображениям, а общины Триеста и других мест ра-

достно благодарили императора Иосифа II. В Праге верховный раввин призывал еврейских солдат: *«Заслужите для себя и для всей нашей нации благодарность и почёт. Пусть видят все, что и наша, доселе притеснённая нация... готова в случае надобности жертвовать своей жизнью»*. А в 1792 г. здешних евреев освободили от воинской повинности, причём по их собственной просьбе.

В Пруссии еврейские общины многократно упрасивали короля допустить их в армию и добились: в 1813 г. евреи воевали против Наполеона так, что прусский канцлер фон Гарденберг писал: *«Молодые люди еврейской веры были соратниками своих христианских сограждан и являли примеры истинного героизма и удивительного презрения к опасностям войны»*. Это однако не мешало властям тормозить присвоение очередного звания отличившимся на войне евреям, а раненым евреям отказать в пенсии.

В странах ислама воинская служба считалась религиозным делом и, следовательно, недоступным для христиан и евреев. В 1855 г. турецкий султан Абдул-Меджид допустил было неверных в армию, но тут же и отменил их призыв из-за противодействия христианских и еврейских религиозных вождей. Современник-еврей писал тогда о местных раввинах: *«Привычка жить в рабстве так велика у них, что здравому исполнению гражданского долга они предпочитают разлагающее унижение. Константинопольские раввины, говорят, противятся указу султана под предлогом, что воинская повинность будто бы несовместима с религией... [Следует] напомнить этим раввинам, что свобода обязывает к известным повинностям и что неисполнение па-*

триотического долга есть преступление против религии». Зато евреи Туниса десятилетиями боролись за право служить в местной армии, которое открывало им путь к французскому гражданству (Тунис с 1883 г. находился под протекторатом Франции).

Россия по своему обыкновению пошла ни на кого не похожим путём, и «хотели как лучше, а вышло как всегда». Военная повинность для евреев здесь была введена императором Николаем I в 1827 г. с вроде бы благой целью приобщения евреев к русскому населению. Провозглашалось императорским указом, что военная повинность должна быть *«уравнена для всех состояний, на коих сия повинность лежит»*, а брали евреев на условиях более жёстких, чем для христиан: призывался примерно в три раза больший процент населения; требования к здоровью рекрутов-евреев (объём грудной клетки и т. п.) были ниже; при неявке или бегстве рекрута он по принятому установлению заменялся аналогичным, той же веры, однако, если отсутствующий еврей до того принял христианство, его всё равно заменял еврей же. Служба евреев тоже отличалась неравенством с христианами: «трусливым» евреям долгие годы не доверяли служить во флоте, в гвардии и многих других подразделениях; им препятствовали в получении воинских званий; часто не разрешали проживание родителей по месту их службы вне «черты оседлости».

Евреев призывали, начиная с 12-летнего возраста. Поскольку по замечательной догадке властей призыв должен был способствовать слиянию евреев с коренным православным народом, их следовало оторвать от зловредного иудейского, как тогда говорили, «фанатизма», т.е. крестить. Поэтому несовершеннолет-

них определяли в школы кантонистов (годы школы не засчитывались в обязательный 25-летний срок службы), где принуждали перейти в христианство. Родной язык и переписка с родными запрещались, как и еврейская молитва. Начальники получали награду за каждого новообращённого и усердствовали, как могли, не останавливаясь перед смертью малолетних «воспитываемых»: их морили голодом, изнуряли бессонницей, пороли, выдерживали на морозе, окунали в воду до потери сознания... Мало кто мог устоять, тем более, что крестившихся ждала награда в 25 рублей и льготы, включая право жить вне черты оседлости (при императоре Александре III вышел, однако, закон: семья такого еврея после его смерти возвращалась в пределы черты оседлости).

Состав призывников определяла сама еврейская община, которая ко всему имела право возмещать свои долги государству дополнительными рекрутами: 1000 рублей списывали за взрослого рекрута, 500 рублей за ребёнка – работорговля. Многим руководителям еврейских общин тут было не удержаться от подлых соблазнов: брали взятки, подменяли богатых детей бедняками, записывали семи-восьмилеток 12-летними, годными для призыва, похищали и сдавали служить самых безнадзорных и незащитных.

Пребывание в русской армии, особенно в кантонистах, часто требовало от евреев большего мужества, чем участие в боях. Свиная школа бесстрашия. Школы кантонистов просуществовали до 1856 г., почти тридцать лет, через них прошли около пятидесяти тысяч человек и за этой цифрой примеры изумляющие вплоть до Герцля Цама.

Герцль (Цви Герц) Яковлевич Цам, 9-летний

мальчик из бедняков, был схвачен и насильно сдан общиной в армию. Из родной Волыни его заслали в Сибирь, в Томскую школу кантонистов. Ребёнку хватило гонора выстоять против принуждения креститься: он упрямо ходил в еврейскую молельню. В 15 лет он стал в Томском батальоне солдатом, потом унтер-офицером - еврею, да ещё и некрещёному, для этого требовались особые заслуги и разрешение самого царя. Безупречно служа, Цам сумел самостоятельно подготовиться и сдать экзамены за полный курс юнкерского училища, затем, одолев сопротивление начальства, пробился: в 1876 г. император произвёл его в прапорщики. Он поднялся до штабс-капитана, будучи военным чиновником при губернаторе, но по мнению военного министра столь почётная должность еврею не пристала, и тот велел перевести Цама в командиры строевой роты. Полученную роту Цам из худших вышколил до образцовой, начальство не раз представляло его к повышению, но тщетно – и в 1893 г., после 41 года службы он вышел в отставку, получив при увольнении звание капитана.

Как ни мордовали кантонистов, как ни мытарили евреев-русских солдат, многие из них геройски проявили себя на фронте, невзирая на неблагодарность отечества.

После Крымской войны 1853-56 гг. в Севастополе поставили памятник пятистам солдатам-евреям, павшим при защите этого города (в котором евреям жить запрещалось; этого права даже к 1880 г., через ещё четверть века, удостоились только 400 евреев, меньше, чем убитых тогда). Ветеран той кампании русский офицер Н. Горбунов вспоминал: «Рядовой

Белинский (Иудейского закона)... храбро дрался на вылазках и во время нападений. Не желая перейти в Православие, он уклонялся от всех предлагаемых ему снисхождений, не желал производства поэтому в унтер-офицеры и не получил знака отличия военного ордена, который вполне и неоднократно заслужил... Личность этого еврея-солдата заслуживает вдвойне похвалы – как храброго защитника, так и твёрдого в убеждениях человека... Белинский, как еврей, составлял редкое исключение своей храбростью, так как племя, к которому он принадлежал, отличается именно робостью» [9, 24].

Общее мнение о «робости» остаётся неизменным. Но уже проклёвывается росток уважения - военный министр России докладывает императору о шести евреях-врачах, служивших под бомбами в севастопольских госпиталях Розене, Маргулиусе, Шорштейне, Бертензоне, Дрее и Пинскере: *«Они явили собой блистательный пример бескорыстия и самоотвержения»*. В 1857 г. Указом императора Александра Второго они стали первыми евреями-кавалерами русских орденов, причём их наградили «мусульманским» вариантом ордена святого Станислава, где императорским орлом заменена христианская символика, неприемлемая для верующего еврея [9, 24,34].

Русско-турецкая компания. 30 августа 1878 г. при штурме турецкого укрепления русский отряд, отброшенный артиллерией турок, был повторно вовлечён в атаку не отступившими из боя еврейскими солдатами; они продолжали драться и орали «Шма, Израэль!», русские солдаты подхватили древний еврейский вопль, с ним и сокрушили турок.

Командир редута еврей Гольдштейн после многих подвигов погиб от тяжёлого ранения. Русский генерал Черняев, наградивший Гольдштейна медалью и крестом, писал о нём: *«Мне редко случалось встречать такое безупречное мужество и хладнокровие...»* В другом случае Георгиевский крест был вручён еврею-унтер-офицеру, который в окружении взял на себя командование отрядом, поставил солдат спина к спине и они отбились от наседавших турок; сам он зарубил троих.

В сражении под Плевной одна из рот потеряла всех офицеров. Рядовой-еврей натянул на себя офицерский мундир и повёл роту в атаку. В бою он погиб; его похоронили в том офицерском мундире.

После войны генерал Куропаткин свидетельствовал: *«И татары, и евреи умели и будут впредь уметь так же героически драться и умирать, как и прочие русские солдаты».* (Русские солдаты, как известно, далеко не из худших).

Другое генеральское мнение: *«Попав на театр войны, евреи обыкновенно старались устроиться на всевозможные нестроевые должности; если же это не удавалось, то симулировали разные болезни, нарочно совершали преступления, дезертировали или даже просто передавались неприятелю... ..еврейская национальность, отличительными чертами которой являются крайняя трусость и физическая слабость, совершенно непригодна к военной службе»* - так писал генерал-майор Евгений Мартынов, занимавшийся историей русско-турецкой войны. Но здесь цитируется его книга 1906 года «Из печального опыта русско-японской войны» (на ней полковник Мартынов стал генералом).

Однако факты против заслуженного военачальника. В войне с Японией 1904-1905 гг. евреев, по некоторым сведениям, участвовало больше 30 тысяч. В списках георгиевских кавалеров Дубовиц, Борисhevский, Островский, Лейбошиц и ещё много подобных фамилий. Рядовой Виктор Шварц дрался во всех крупных боях, 11 раз ранен, заслужил три Георгиевских креста и медаль. Бомбардир Лазарь Лихтмахер, потеряв руку, вернулся в свою батарею наводчиком. Врач Беньяш после отхода своих остался один на поле боя и, вопреки троекратному приказу, не ушёл, пока не помог всем раненым.

Наконец, Йосеф Трумпельдор. О нём надо подробнее. Сын кантониста Зеева Трумпельдора, Йосеф родился в 1880 г. в Пятигорске, учился в религиозной еврейской школе в Ростове-на-Дону, потом в русской школе, изучал стоматологию. Увлёкся толстовской идеей коммуны, увязал её с сионизмом, загорелся создать в Палестине сельскохозяйственные еврейские коммуны под вооружённой охраной.

В 1902 году призванный в армию, Трумпельдор напросился служить на Дальний Восток. В русско-японской войне добровольно вызывался на самые опасные операции; среди его высоких наград за храбрость Георгиевский крест. В боях потерял левую руку, после госпиталя отказался от демобилизации, вернулся на фронт уже в чине унтер-офицера. Россия проиграла войну, Трумпельдор среди других попал в плен, там организовал

Йосеф Трумпельдор

школу для обучения грамоте русских солдат, где учительствовали 80 пленных офицеров, а учеников было 5000. Трумпельдор и сам преподавал, а ещё выпускал газету, да учил китайский и японский языки, да сколотил группу солдат-евреев для создания коммуны в Палестине. За просветительство японский император наградил однорукого Трумпельдора искусственной рукой, на протезе золотыми буквами было написано: *«Эту руку японский император жалует герою Трумпельдору за его полезную деятельность во время плена»*. В 1906 г. герой вернулся в Россию, где ему за выдающиеся воинские заслуги, простя происхождение, присвоили офицерское звание.

Трумпельдор учился на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета, одновременно собирал охотников поселиться на палестинской земле. В 1912 г. он отправился туда, работал в сельском хозяйстве, организовал вооружённую охрану еврейских поселений.

В годы Первой мировой войны он участвовал в создании еврейского подразделения («Отряд погонщиков мулов», 650 солдат) в составе британской армии, освобождавшей Палестину от турок. В боевых операциях Трумпельдор снова выказывал примеры храбрости. После расформирования «Отряда» Трумпельдор (совместно с Владимиром Жаботинским) пытался организовать для борьбы с турками еврейские полки в Англии и в революционной России, где дополнительной задачей еврейского соединения предполагалась борьба с погромами. В России такой полк был уже сформирован, но после выхода страны из войны в 1918 г. его распустили, а Трумпельдора арестовали, хотя и ненадолго.

В 1919 г. Трумпельдор выехал в Палестину. Здесь активно участвовал в налаживании жизни евреев и охраны еврейских поселений от нападений арабов. 1 марта 1920 г. при переговорах с арабами, напавшими на поселение Тель-Хай, Трумпельдора ранили в живот. Раненных в том бою эвакуировали только к вечеру, по дороге Трумпельдор умер [10, т. 8, 1078]. (Убийца Трумпельдора 19-летний командир бедуинов Камаль Хусейн в какой-то момент боя оказался в безвыходном положении, и раненный Трумпельдор велел не убивать его, а взять в плен. Позднее, узнав об этом, Камаль Хусейн впечатлился – бедуины врагов в живых не оставляли – и перекинулся помогать еврейским поселенцам, даже в 1948 г. шпионил в их пользу, за что и был убит сирийцами).

На рубеже драконьего двадцатого века Йосеф Трумпельдор явил образец нового еврея, бесстрашного и целеустремлённого, в ту пору ещё довольно редкого. Средневековая вялость души, как её ни зови: миролюбие, кротость или трусость – по-прежнему гнездилась в подавляющем большинстве евреев: в среднем классе Западной Европы, в местечках Европы Восточной. Но в просверках воинственности, пусть и редких для многомиллионной массы европейского еврейства, угадывалось будущее изменение еврейского самосознания.

Христианский мир заметить этого не мог, да и не хотел. В 1912 г. Государственная Дума России озабочилась службой евреев в армии и попросила высказаться о том 50 генералов, в большинстве боевых. Генералы отвечали на «Перечень вопросов о слу-

жебных и нравственных качествах нижних чинов иудейского происхождения». Итоги начальник Генштаба Я. Жилитинский доложил военному министру В. Сухомлинову: *«Запрошенные старшие начальники единогласно свидетельствуют о вреде для нашей армии иметь в своих рядах евреев»*. Большинство генералов считало необходимым не призывать евреев в армию из-за их *«общеизвестных»* отрицательных свойств, а также из-за *«их племенного устройства»*, делающего их *«интернационалистами, не заинтересованными в кровных интересах отечества»*. На записку Генштаба военный министр отреагировал резолюцией 12 января 1913 г.: *«Исходным пожеланием признаю совершенное удаление евреев из армии»*. А в 1914 г. грянула Первая мировая война и к 1917 г. в русской армии служило полмиллиона евреев, из них 60 тысяч заслужили боевые награды.

На обложке четвертого номера выходившего в те годы журнала «Евреи на войне» красуется бравый усач в папахе набекрень Вольф Винокур-Коген, подписано: *«Артиллерист унтер-офицер, за выдающуюся храбрость награждён Георгиевскими крестами: 4-й, 3-й, 2-й и 1-й ст., орденом св. Анны и представлен к большой нашейной золотой медали»*. (В Интернете на сайте <http://lists.memo.ru/d7/f63.htm> можно обнаружить, что Винокур-Коген Вольф Гершевич в 1918 г. расстрелян на Урале за контрреволюционную деятельность – своя пуля достала; в 2005 г. реабилитирован).

Вольф Винокур-Коген

Толя Браиловский

Внутри журнала заметки о других героях войны, в том числе портрет мальчика, под которым текст: *«Толя Браиловский. 14 лет, доброволец. В начале войны бежал из дому (Баку), но по телеграммам матери был задержан и возвращён. Через две недели вновь бежал и добрался до действующей армии, где отличился, произведя разведку, за что получил чин ефрейтора. Был ранен и лежал в киевском госпитале, а поправившись возвратился на позицию».*

Это русские солдаты-евреи. А если на секунду заглянуть по другую сторону фронта, нетрудно окажется заметить евреев и во враждебных России армиях; в Германии, например, воевало 130 лётчиков-евреев, в том числе знаменитый тогда лейтенант Вильгельм Франкль, сбивший 17 самолётов, заслуживший высшие воинские награды и после гибели в бою похороненный в Берлине с самыми высокими воинскими почестями.

В России, где евреев угнетали и нищета в черте оседлости, и унижительное неравноправие и, наконец, погромы – именно здесь жизнь вынудила евреев отринуть старые нормы покорности. И то сказать: сколько можно терпеть, сколько можно подставлять горло под нож?

Российские погромы девятнадцатого века и особенно неистовые в начале века двадцатого сыграли воспитательную роль: средневековый еврей, сопротивлявшийся крещению самоубийством, в новые времена поднимался до отрядов вооружённой

самообороны (в Одессе, Гомеле, Киеве, Житомире, Двинске и других местах) и до индивидуальных выплесков мести организаторам антиеврейских выступлений: 4 июня 1903 г. Пётр (Пинхас) Дашевский в Петербурге ударил ножом П. Крушевана, вдохновителя погрома в Кишинёве; в 1926 г. в Париже Соломон Шварцбарт (участник еврейской самообороны в Балте, доброволец Первой мировой войны, награждённый за храбрость) убил Симона Петлюру, чья армия в 1918-1920 гг. резала евреев Украины.

После кишинёвского избиения евреев в 1903 г. еврейский поэт Хаим-Нахман Бялик в «Сказании о погроме» клеймил евреев: *«Смотрел отец на то, что было с дочкой, И сын на мать, и братья на сестру, И видели, выглядывая в щели, Как корчились тела невест и жён, И ни вскочить, ни крикнуть не посмели, И не сошли с ума, не поседели, И глаз себе не выкололи вон, И за себя молили Адоная!..*

...Но выползут мужья их понемногу – И в храм пойдут вознест хваленья Богу, И, если есть меж ними коганим, Иной из них пойдёт спросить раввина: Достойно ли его святого чина, Чтобы жила жена такая с ним... И всё пойдёт, как было...

...Рассыпались, бежали, словно мыши, Попрятались, подобные клопам, И околели псами... Сын Адама, не плачь, не плачь, не крой руками век, Закрежещи зубами, человек, И сгинь от срама!»

Эти стихи перевёл с идиш Владимир Жаботинский. Неистовость древних пророков пылала в строках Бялика-Жаботинского, обжигала еврейскую молодёжь. Новое поколение, взбодренное дошедшим до него европейским духом просвещения

и жажды революционных перемен, рванулось из паутины еврейской косности, из плесени быта, из ничтожности.

Они уходили разными дорогами: кто в революцию воевать за всеобщее счастье, кто в сионизм воевать за своё государство. Оба пути простреливались, и смирение приходилось сдать старьевщику.

В. Жаботинский (из статьи «День памяти Трумпельдора»): *«Противники и оппоненты Трумпельдора решительно против погромов... они тоже хотели бы, чтобы на еврейской улице царили лишь тишь да гладь. Однако, утверждают они, реагировать по принципу «око за око» - не выход. Здесь у них появляется возможность сняться в обнимку с такими гигантами, как Толстой и Ганди. Они также утверждают, что подставление другой щеки – куда более эффективное средство, чем ответная пощёчина... Они утверждают, что все беды человечества вытекают из этого пагубного стремления – отвечать злом на зло. Если бы люди «не отвечали», войны и погромы давно бы исчезли.*

Красивая и очень притягательная теория. Но, увы, далеко не всё красивое и притягательное правильно... Мы, евреи, проводили испытания. Мы, собственно, ничем другим и не занимались, кроме как методично, с нечеловеческим терпением, поколениями применяли на практике теорию Толстого. Мы не обращали внимания на то, что она не «сработала» в третий, в десятый и в сотый раз. Нас били снова и снова. Мы не отвечали... Перед нами самое добросовестное, проведенное по самым строгим правилам науки испытание. И результат? – Бьют» [11, 128-9].

Владимир (Зеев) Жаботинский... Блестящий европейский интеллектуал, преуспевающий литератор, поклонник социализма Жаботинский после Кишинёвского погрома 1903 г. круто повернул к сионизму. Он посвятил себя исключительно созданию еврейского государства.

*Владимир (Зеев)
Жаботинский*

Первым и важнейшим на новом пути делом стало для него создание в родной Одессе еврейской боевой самообороны евреев от погромщиков. В годы Первой мировой войны Жаботинский вопреки дипломатическим увёрткам руководителей сионизма, избегавших определиться в противостоянии воюющих держав, организовал вместе с Й. Трумпельдором в составе английской армии «Еврейский легион» - первую за 2000 лет галута еврейскую воинскую регулярную часть (10000 добровольцев набежало, взяли 5000), зародыш будущей Армии обороны Израиля. Батальон Легиона, в котором Жаботинский служил сержантом, успел повоевать. В 1918 г. Великобритания произвела Жаботинского (второго иностранца после русского царя) в офицеры.

В 1920-е гг. он создал первые в Палестине военные силы евреев. В 1920 г. за попытку вооружённого сопротивления арабским погромщикам в Иерусалиме англичане приговорили Жаботинского к 15 годам

тюрьмы (евреи зашумели: британцы дали задний ход – освободили).

Сионисты добивались еврейского государства на древней земле Израиля, подвластной Великобритании. Англичане упирались, сионисты уговаривали их. А Жаботинского угнетало предчувствие: *«Евреи! Покончите с галутом или галут покончит с вами!»* [11, 14]. Несогласный с опасливой оглядкой руководства сионистов, Жаботинский создал партию сионистов-ревизионистов, молодёжное движение при ней Бетар («Союз имени Трумпельдора») имело целью вооружённую защиту еврейских интересов. С 1930 г. англичане запретили ему въезд в Палестину, но его участие в её жизни не ослабевало. После арабских погромов 1929 г. здесь возникла Народная военная организация – ЭЦЕЛ, Жаботинский командовал ею из-за границы. Он умер в 1940 г. в США.

Жаботинский круто свернул с революционного пути на сионистский. Менее догадливые евреи оставались в революции.

Антисемиты, ярясь, приписывают евреям ведущую роль и в социалистических движениях, и в русской революции, и в строительстве ленинско-сталинского государства с его бесчеловечностью. Здесь много передержек, перепевов ходячего мифа об извечном еврейском злодействе. Но когда еврейский пыл умножался революционной одержимостью – итог мог поразить любое воображение. Нельзя не заметить, что в русском революционном движении евреи занимают самую рисковую и бое-

вую нишу: в главной террористической организации «Союзе эсеров-максималистов» евреев 19 процентов. Много их было и среди анархистов разного толка, тоже людей самоотверженных, хотя и преступно жестоких без оглядки на своих: в Одессе, к примеру, они взорвали бомбы в кафе, набитом еврейскими семьями, и в синагоге, казня прихожан – «еврейскую буржуазию» [10, т. 7, кол. 398].

Революция февраля 1917 г. стряхнула с России царя, с евреев бесправие, и они сразу стали поднимать голову: уже в тот год появились сотни евреев-выпускников офицерских училищ. Они защищали петербургский Зимний дворец в октябре 1917 г., воевали против большевиков в Белой гвардии, даже в казачьих частях. Немало их билось в рядах контрреволюционной Добровольческой армии, пока в ней не располыхался традиционный русский антисемитизм. Он и погнал еврейскую молодёжь на сторону большевиков, где была защита от погромов и обольстительные лозунги всемирного братства народов. В Красной армии возникли чисто еврейские части.

И позднее молодые русские евреи массами устремлялись в любое место, где чуялся порох боя: на поля гражданской войны, в ранний комсомол, насквозь военизированный, в милицию и войска ЧК, сегодня недоброй памяти, но в двадцатые годы отчаянно бившиеся с бандитизмом. После гражданской войны, в 1926 г. в Красной Армии служило 2,1% евреев при том, что среди всех советских мужчин они составляли только 1,7 процента [12, 17]. Узкогрудый жид галута расправлял плечи.

Дмитрий Шмидт (Гутман), сын неприметного служащего из украинского города Прилуки в окопах Первой мировой войны заслужил Георгиевские кресты всех четырёх степеней (полный Георгиевский кавалер), произведен в прапорщики. С 1917 года большевик, в гражданскую войну подпольщик, партизан, красный командир. Был в плену, при расстреле ранен и выжил. К 23 годам получил девять ранений и дважды высшую боевую награду – орден Красного Знамени. В 25 лет командир кавалерийской дивизии. (В 1936 г. арестован как троцкист, после одиннадцати месяцев пыток признал себя виновным в заговоре, на суде отказался от самооговора; расстрелян, а через 20 лет признан невиновным).

Еврей не из нафталинно-чесночного местечка, не из подслеповатой хедерной затхлости, а из по-европейски бурлящей общины, вроде одесской, мог избрать для самовыражения совсем удивительное: уголовщину – тоже ведь дело не для робких.

Пётр Перетц, сын Григория Перетца, еврея-декабриста (русским евреям – гордость, русским антисемитам – огорчение) – одесский воровской авторитет, поражал силой и буйством. В 1857 году, 21-летним попав в тюрьму, за 2 года там успел сколотить бандитскую шайку, запугать охрану, устроить пожар. Убит при попытке бегства [13, 47].

Наверно, их немало нашлось, разбойных и воровских евреев, если *«Меж воров во множестве употребляются слова еврейского происхождения»* - писалось в 1892 г. в российском «Наставлении по по-

лицейскому делу». Характерные примеры: от *блат* (на идиш *записка*) блатной – человек с бумажкой, рекомендацией, *свой*; *ксива* – документ от *ктива* на иврите; *клифт* – *халифа* (*костюм* на иврите); *замастырить* – *спрятать* и *стырить*-украсть от *мастир* (*прячу* на иврите). От *фрей* (*свободный* на идиш) родился *фраер* – второсортная личность, не сидевшая в тюрьме, в противоположность уголовнику – человеку уважаемому.

Исаак Бабель: «...сияющий глаз заката падал в море за Пересытью, и небо было красно, как красное число в календаре. Вся торговля прикрылась уже на Дальницкой, и налётчики проехали на глухую улицу к публичному дому Иоськи Самуэльсона. Они ехали в лаковых экипажах, разодетые, как птицы колибри, в цветных пиджаках... ...в каждом экипаже сидел один человек с букетом, и кучера, торчавшие на высоких сиденьях, были украшены бантами, как шафера на свадьбах. ...сыновья лавочников и корабельных мастеров завидовали королям Молдаванки» [14, 164].

Бабелевские одесские разбойники – романтичны. Жизнь – суровее.

В. Жаботинский (время революционного кипения): «Когда все мы два года назад читали о первых героических налётах из подполья на конвои казённого золота, никто не подозревал, до чего постепенно демократизируется эта система финансирования безденежных начинаний. Теперь она в Одессе кратко называлась «экс» и применялась уже просто и открыто для пополнения личной кассы налётчиков. Первое время, подкидывая письмо с угрозами или

подставляя револьвер, они ещё ссылались на какую-то непоименованную «партию»; но вскоре и это бросили и стали просто грабить без вуали... ..обычным типом «экса» был визит вдвоём в бакалейную лавочку и конфискация утренней выручки в размере двух рублей с копейками. ...свирепствовал «экс» у нас в городе только среди евреев: евреи были все объекты его... [15, 160-161].

В этих строках В. Жаботинского и любопытное смешение революционных деяний с уголовными, и отрезвляющая поправка к чарующим бандитам И. Бабеля.

Бандит есть бандит. В еврейских гетто Второй мировой войны они не гнушались грабежом умирающих соплеменников. Но в марте 1933 г., после прихода Гитлера к власти, когда многие еврейские умники искали, как с нацизмом сожительствовать, американские гангстеры-евреи сразу привычно сообразили: бить! Король еврейской мафии Меир Лански не скупился оплачивать своим людям разгром нацистских митингов. Не все и деньги брали: головорез Мики Коэн считал побитых фашистов достаточной наградой честному еврею. А на совещании главарей еврейского разбоя известнейший убийца Багси Сигал вызвался прикончить Гитлера: «Мне ничего не помешает пристрелить этого подонка». (Куда бы повернула История, дай Сигал волю своей преступной руке?)

Путь бабелевского героя Бени Крика, дороги революционной или сионистской борьбы – все новые направления еврейской жизни требовали распрямиться,

отшелушить сердце от былой хлипкости. Советская власть в 1930-е годы дала евреям эту возможность, и проявился новый еврей, боец, сотнями тысяч примеров нового поведения, круто изменившегося. Робкое прежде еврейство поставляло героев на фронты испанский 1936-37 гг., японский 1939-го, финский 1940-го. В 1941-45 гг. на войне с Германией евреи массами оказались в самых лихих частях Советской Армии: по сообщению израильского историка Арона Шнеера 7,2% военнотружущих-евреев воевало в авиации, а во флоте 14,7% и особенно много в наиболее опасном, подводном: только командиров подводных лодок насчитывается 19, трое из них стали Героями Советского Союза (Израиль Фисанович, Самуил Богорад, Владимир Коновалов) [12, 32-33]. И хотя свою Катастрофу в ту войну встретило немало евреев с укоренившейся покорностью, но и борцов среди них хватало.

Из документов Израильского Мемориала Яд Вашем:

Левитан Вениамин, из дер. Кыштовка, Новосибирской обл., погиб 28.08.1944. в Фалештах. Начальник штаба танкового полка [в неполных 25 лет].

Дубов Владимир, 1922 г.р., студент, танкист, на фронте с первых дней войны. После ранения был в госпитале, не долечившись, убежал на фронт, эшелон разбомбили, он погиб.

Яскины [четыре брата] Шика, 1912 г.р., лётчик, погиб в бою при взятии Севастополя 7 мая 1944 г., и Семён, 1914 г. р., техник, пропал без вести, август 1941 г.; [их двоюродные братья] Леонид, 1904 г.р., токарь, погиб в бою 15 октября 1941 г., Крым, Джанкой, и Шика, 1911г.р., слесарь, моряк, погиб в 1943 г. в бою на берегу Днепра.

Грейс [пять братьев] Лейзер, 1916 г.р.; Абрам, 1918; Лейб, 1920; Песах, 1922; Григорий-Гириш, 1924 – в за-видно чётком темпе рожались, фронт всех смёл од-ним махом.

Моцкин Яаков (Янкель), 1908 г.р., из Журавичей (Белоруссия), полковник, убит в Сталинграде летом 1942 года. Когда танкист погиб, сам сел в танк и повёл его, в неравном бою сгорел в танке.

Шац Леонид, 1900 г.р., юрист, был ранен на фрон-те, потерял руку, остался в войсках [Эхо Трумпель-дора!], погиб при высадке десанта фашистов на Се-верном Кавказе, 1943 г.

Израиль Казан,
*погиб на фронте в 1942 г.
Фотографию носил
в кармане гимнастёрки,
пробита пулями*

Рудницкий Сулик Иоси-фович, 1923 г.р., курсант Военно-морского училища, погиб при высадке десан-та под городом Новорос-сийск, 1942 г.

Рудницкий Ефим Иоси-фович, 1924 г. р., эвакуи-рован в г. Коканд, Узбеки-стан. Добровольцем пошёл на фронт мстить за бра-та. Погиб 15.03 1945 г. мл. лейтенантом возле села Бинов Германской Помера-нии в Польше.

Габа Иосиф, 1920 г. рождения, закончил... шко-лу с золотой медалью, поступил в Ленинградский университет. Четыре года получал Сталинскую стипендию. В 1941 добровольно поступил в армию, в авиацию. Геройски погиб... 17 декабря 1943 года.

Зарецер Пётр, 1923 г. рождения, погиб в Румынии, в 1944 г. Русский однополчанин написал с фронта его матери: «Ваш сын... будучи трижды раненым не покинул поле боя, стоял на смерть. Такие герои, как Ваш сын, недолго живут на свете, а свет на таких стоит вечно!»

Потомки безответных забитых евреев, как повлекло их в бой! И какими детективами оборачивались их судьбы!

Лейтенант Красной Армии Евгений Волянский (одессит Ефим Коренцвит) командовал партизанами-разведчиками в Смоленской области. После ранения его отправили на лечение в Москву и затем забросили в немецкий тыл, где он воевал в партизанском соединении до 1944 г., когда его перебросили с парашютом в Словакию. Там он собрал бригаду «За свободу славян» из 1600 партизан; они освободили ряд городов и уничтожили больше трёх тысяч оккупантов. Его наградили 9-ю чехословацкими и 5-ю советскими орденами, дважды представляли к званию Героя Советского Союза. Волянский советской Золотой Звезды не получил, мог только утешаться Золотым крестом Героя Словакии, который ему вручил чехословацкий президент.

Мария Фортус. Пунктир её биографии: дважды расстреливалась в Гражданскую войну в России, училась в военной академии; воевала на Гражданской войне в Испании в 1936 г., где похоронила испанца-мужа и сына-лётчика; в Отечественную войну – начальник штаба женского авиаполка, откуда отпросилась в сформированный НКВД партизанский отряд Дмитрия Медведева возле украинского города Ровно (треть отряда – евреи), в отряде

командовала разведчиками (вместе со знаменитым разведчиком Николаем Кузнецовым выявила строительство ставки Гитлера под Винницей); ранена и после ранения вернулась на фронт, воевала в Венгрии, Болгарии, Чехословакии, стала почётным гражданином нескольких городов в этих странах.

Р. Бейлинсон (письмо в Яд Вашем): *«Генрих Васюков с родителями и братом Олегом проживал в гор. Харькове. Во время эвакуации его семья не смогла выехать из-за болезни его отца. Так они остались в оккупированном гор. Харькове.*

В декабре 1941 года, по настоянию соседней, Генриха и его брата и мать Малку Васюкову (Эльтерман) отправили в еврейское гетто на Тракторный завод. Рискую жизнью, Генрих вывел из гетто мать и брата в условленное место, где их ожидал отец. Этой же ночью они покинули гор. Харьков и обосновались в Изюмском районе Харьковской области...

Устроив семью с жильём, отец Генриха ушёл через линию фронта и вступил в Красную Армию. А через неделю после ухода отца четырнадцатилетний Генрих ушёл из дома в партизанский отряд, где пробыл до августа 1943 года, принимая активное участие в боях с фашизмом.

После освобождения Изюмского района Генрих вернулся к матери и брату, организовал отряд по вылавливанию и уничтожению оставшихся банд полицаяв-приспешников нацистов. В октябре 1943 года в возрасте 16 лет Генрих погиб в бою с бандой бывших полицаяв».

Уроженец Закарпатья Лев Хох во Второй мировой войне сражался во Франции в рядах Французского иностранного легиона и Первой чехословацкой дивизи-

зии. В 1940 г., после капитуляции Франции прибыл в Великобританию и добровольно вступил в английскую армию под именем Лесли Джонса. Командовал отделением снайперов, одним из первых высадившихся в Нормандии в 1944 г. В бою заменил погибшего офицера. К апрелю 1944 г. стал командиром батальонного подразделения снайперов. За мужество и отвагу произведен в лейтенанты, награждён медалями и орденом «Военный крест», который ему вручил маршал Монтгомери. К концу войны принял имя Роберт Максвелл. Демобилизовался в 1947 г. в звании капитана. (Нелишне добавить послевоенные подробности: в 1948 г. Максвелл организовывал снабжение Израиля оружием из Чехословакии, стал известным медиамагнатом и благотворителем, почётным доктором Московского университета и Нью-Йоркского политехнического института, в 1964–1970 годах членом парламента Великобритании, подозревался в связях со спецслужбами разных стран. Погиб при неясных обстоятельствах. Похоронен в Иерусалиме на Масличной горе. Его дед, отец, мать и трое сестёр погибли в Катастрофе евреев).

Последний сюжет взят из Интернета и работы Эфраима Гринберга [16], описывающей участие евреев во Второй мировой войне.

В армиях разных стран в 1930-40-е гг. против фашистов воевало 1397000 евреев [10, т. 1, 690]. Кроме них боролись в подполье и партизанах «штатские» евреи - участники Сопrotивления. С ними набирается около полутора миллионов бойцов.

Отдельные примеры участия в войне европейских и американских евреев, приведенные ниже, - почти все по работе Э. Гринберга [16].

Австралия. Лейтенант еврей Ричард Келен получил звание «Отличный лётчик» за 16 сбитых самолётов, пять из них в один день.

Бельгия. В Соппротивлении, организованном коммунистами, выделялись три батальона, сформированные из евреев. Они совершали диверсии, похищали у немцев оружие, отбили из эшелонов, идущих в Освенцим, около 600 евреев. Когда немцы захватили штаб Соппротивления в Брюсселе, из 28 арестованных 14 оказались евреями.

Великобритания. Из 450000 британских евреев в армии находились 62000 – 13,8%. В 1940-41 гг. во время воздушной битвы за Англию с немецкой авиацией воевали больше 160 евреев – лётчиков и штурманов, 41 погиб в боях.

Восемь евреев были генералами британской армии.

Еврей Фредерик Киш в Первую мировую войну воевал во Франции и Ираке, был трижды ранен, награждён британскими и французскими орденами. В 1920-е гг. переселился в Палестину, стал видным сионистским деятелем, одним из создателей «Хаганы» - вооружённых сил местных евреев. В начале Второй мировой войны добровольно вступил в английскую армию, воевал в Северной Африке, погиб в Тунисе в звании бригадного генерала. В Израиле его именем названы улицы нескольких городов и поселение Кфар-Киш.

Германия. Евреев в начале войны 214000, из них в Соппротивлении 2000 – 0,9%.

Григорий Горенштейн, солдат-доброволец в Первой мировой и испанской войнах. В Испании после тяжёлого ранения возвратился в строй. Затем жил в

Голландии, после её оккупации участвовал в тамошнем Сопротивлении. Арестован, пытан в гестапо, погиб в концлагере Бухенвальд.

Греция. В Греции перед войной жило 77 тысяч евреев. Почти 13 тысяч из них (17 процентов) воевали против итальянских и немецких захватчиков, Национальный герой Греции полковник еврей Мордехай Фрагги погиб в бою.

Испания. Уже в первом боевом противостоянии фашизму, в гражданской войне 1936-39 гг. на стороне республики воевало 42 тысячи интернационалистов, среди них около 14 тысяч евреев. Из пяти командиров интернациональных бригад четверо были евреями. Среди семи добровольцев-интернационалистов из СССР, получивших за боевые подвиги Золотые звёзды Героев Советского Союза, были два еврея – лётчик Яков Смушкевич и танкист Абрам Абрамович (награждён после гибели в бою).

Палестина. Когда над местными еврейскими поселениями нависла угроза захвата их немецкой армией Роммеля, за три дня больше двух тысяч поселенцев вызвались идти на фронт. Преодолев сопротивление английского военного начальства, палестинские евреи в 1944 г. создали пятитысячную Еврейскую бригаду добровольцев, которая в 1945 г. воевала в Италии. 100 её воинов англичане наградили орденами и медалями.

В **Польше** евреи помимо участия в 13 смешанных партизанских отрядах воевали и в двадцати семи чисто еврейских. Главнокомандующий Польской Армией генерал Роля-Жимерский писал 21 июля 1944 г. Председателю польского Союза еврейских партизан полковнику Густаву Алефу: *«Героические подвиги*

Варшавского, Белостокского и других гетто, партизанское соединение под командованием капитана Ихила Гриншпана, его мужество и преданность свободе вызывают у меня восхищение. Большое количество евреев-партизан в рядах польской армии, таких бойцов, как полковник Алеф, и майор Темчин, майор Маргулис, незабываемый героизм Нюты Тейтельбаум и майора Скотницкого... свидетельствуют о том, что еврейский народ может гордиться своими славными партизанами. Польский народ никогда не забудет евреев, которые с таким героизмом воевали за свободу страны».

Студентка Варшавского университета Нюта Тейтельбаум с арийской внешностью и фальшивыми документами на имя Ванды была в Варшавском гетто связной и командиром боевой группы, которая подорвала железную дорогу, обеспечивавшую снабжение фронта. Швырнула бомбу в кафе, полное эсэсовцев, убив и ранив многих из них. Гестапо обещало 150 тысяч злотых за поимку «маленькой Ванды с косой». В схватке с врагами, окружённая, покончила жизнь самоубийством. Посмертно награждена высшим орденом Польши – «Грюнвальдским крестом».

Почти столь же высокой наградой, орденом «Виртути Милитари» награждена через 20 лет после смерти в бою Софа Жамайка, которая вырвавшись из Варшавского гетто, воевала в партизанской группе и погибла в бою, прикрывая пулемётным огнём отступавших товарищей.

Не только книга Э. Гринберга посвящена подвигам евреев под немецким сапогом. О восстании евреев в Варшавском гетто сложены легенды: чудом

кажется долгое сопротивление нескольких сотен почти безоружных евреев тысячам немецких солдат и их подручных с танками, самолётами, пушками и газом. Менее прославлено, но всё же известно восстание в Белостокском гетто. Там 16-20 августа 1943 г. 130 немцев с танками, броневиками, артиллерией и самолётами одолевали 200 слабо вооружённых бойцов еврейского подполья. Немцы подавили восстание, его руководители Даниэль Мошкович и Мордехай Тененбаум-Тамаров по слухам в последний день покончили с собой.

О Тененбауме-Тамарове, которого порядком подзабыли и историки Второй мировой, и сегодняшние евреи в Израиле, мне в 1990-е годы рассказывала, приправляя русскую речь польской, бывшая связанная подполья гетто Броня Винницкая, она же на «арийской стороне» «полька» Ядвига Шкибель, она же после войны Броня Клибанская: «Мордхай (так Броня его называла) очень выделялся от остальных. В Варшаве в тридцать восьмом году он в секретариате сионистской организации «Дрор» был самый молодой, двадцать два года только. Талантливый, эрудированный в философии, истории, литературе – такое самообразование. Писал яркие статьи. И делал очень много, готовил еврейскую молодёжь для Палестины: организовывал обучение сельскому хозяйству, ивриту, военную подготовку... С 1936 года он учил востоковедение на Варшавском университете, знал немного турецкий и потом воспользовался во время оккупации: сделал себе документ, что он караим Юсуф Тамаров. И хотя был похож на еврея, но всё время разъезжал в поездах, ходил по улицам и вообще без страха - он был очень-очень бодрый... Ез-

дил, работал по разным гетто: Ченстохова, Краков, Бендзин, Вильно, Гродно, Белосток – везде он оставил свои следы. В Варшаве он один из создателей Антифашистского блока, и Еврейской Боевой Организации, соредактор подпольного журнала «Дер Руф» («Призыв»), издания «Дрор» ни разу не вышли без его статьи.

Тененбаум крупнее наших всех как организатор, как личность, как этичный – так говорят по-русски? – очень нравственный человек. Я думаю, равного ему вообще не было. В 1939 году перед капитуляцией Польши он оказался в Вильнюсе, чтобы содействовать выезду в Палестину сионистской молодёжи. Разрешений на выезд было ничтожно мало. Мордхай обеспечивал товарищей поддельными документами, а сам остался. И потом, в Белостоке он тоже мог сохраниться живой, но он считал, что должен – это звучит немножко патетично – должен быть с народом. Он руководитель восстания, и все гибнут, а он вдруг останется живой – это для него неприемлемо.

Кто-то из подпольщиков спорил, что надо уходить из гетто в леса и там воевать с немцами. Тененбаум знал, что долго воевать не удастся, но он всё-таки считал, что надо бороться в гетто. Почему? Во-первых, нельзя убежать и дать погибать остальным – не имеем морального права. А во-вторых, для истории, мы должны показать будущему еврейскому народу, что не шли покорно на смерть, мы боролись.

В ноябре 1942 г. Мордхай однажды ехал в Белосток. Тогда немцы начали уничтожение всех гетто по белостоцкому округу кроме самого Белостока и

оцепили наше гетто, чтобы туда никто не мог пробраться, и Мордхай не мог. Он поехал в Гродно, где шла ликвидация... По дороге немцы схватили его, он бежал, его ранили в ногу, но он как-то пробрался в деревню возле Гродно. Из гетто ездили в деревню, и они забрали его к себе в гетто, подлечили, и он тогда же поехал в Белосток и больше его не покидал».

Броня всю жизнь любила М. Тамарова. Честная безоговорочно, органично, она могла, однако, быть пристрастной. Но ей вторит воевавшая бок-о-бок с Тененбаумом в Белостоке Хайка Гроссман в своей книге «Люди подполья» (Израиль, 1965 год):

«Мордехай разбивал все преграды. Он был одновременно наивен и умён. ... В своей лихорадочной деятельности, ведомый сознанием, что время сжимается, что катастрофа всё ближе, в отчаянии от виденного им в Вильно, Гродно и Варшаве, он иногда становился тираном, навязывающим свою волю окружающим... Он мог быть весь улыбка и доброта... Но когда он сталкивался с членами своей партии, которые самодовольно верили, что дьявол их не тронет, Мордехай давал волю потоку своей ярости. Мы любили его со всеми его слабостями и его храбростью, его доверием к людям, которые того не заслуживали, его бурным характером и острым умом».

**Мордехай
Тененбаум-Тамаров**

Обернёмся снова к книге Э. Гринберга.

США. В 1941 г. там жило четыре с половиной миллиона евреев. После начала войны в армии служило 550-600 тысяч евреев – 3,4% численности армии, 13,3% численности еврейского населения. 11 тысяч евреев пало на фронтах, 40 тысяч было ранено. Более 36 тысяч евреев заслужили свыше 60 тысяч боевых наград, трое - сержант Исидор Вакман, лейтенант Раймонд Зусман и генерал Моррис Роуз – кавалеры высшей военной награды, «Почётной медали Конгресса». 26 евреев получили генеральские и адмиральские звания.

В войне с Японией лётчик сержант Авраам Тедерос сбил 12 японских самолётов. Его сбили, он катапультировался и попал в плен. Бежал, добрался до своих. Снова летал, участвовал в потоплении японского авианосца. Потом воевал в Европе, бомбил германские города. По приказу командования катапультировался над Францией, связался с подпольщиками, получил от них ценную информацию и через 10 дней доставил её американскому начальству в Италии. Награждён 30 медалями США – самое большое число боевых наград в США.

Первая американская военная медсестра, вступившая на землю Европы, Френсис Шланген воевала в Нормандии и погибла там в бою в 1944 г. Её посмертно наградили орденами и медалями США, Англия и Франция.

Американский военный корабль «Дорчестер» был торпедирован немецкой подводной лодкой. Когда он тонул, находившиеся на борту четыре священнослужителя, три христианских и раввин уступили свои места раненым матросам. Лейтенант Джон Махон-

ди вспоминал потом: «Наш военный корабль тонул. Раввин Александер Год дал мне спасательный пояс и заверил, что у него есть ещё один в резерве. Позже я узнал, что он отдал мне пояс, а сам погиб».

Во **Франции** в подполье и партизанах воевало 17 тысяч евреев. Сопrotивление в Париже возглавляли евреи: с августа 1943 г. Жак Бинген, покончивший с собой после ареста, а затем Лазарь Рахлин, за голову которого гестапо сулило сто тысяч марок. (Рахлин умер в 1968 г. генералом запаса). Летом 1942 г. фашистские газеты писали, что 80% актов против немцев в Парижском округе произвели евреи.

Жозеф Эпштейн из Польши воевал в Испании против Франко, затем во Франции; когда вторглись немцы, вступил добровольцем во французскую армию, а после оккупации ушёл в подполье... Он открыл музыкальный магазин, появилась немецкая клиентура, в том числе известный палачеством эсэсовский полковник К. Дитрих. Эпштейн продал ему патефон с взрывчаткой. На званом вечере у полковника патефон, взорвавшись, убил его и несколько гостей.

Роза Фридзон, белорусская партизанка, схваченная гестапо, была отправлена в концлагерь во Францию. Она и 37 её сокамерниц бежали и затем воевали в женском партизанском отряде; командовала Роза, её боевые подвиги увенчали звание лейтенанта французской армии и высшая награда – орден Почётного легиона [18, 149].

Зиновий Пешков, брат одного из вождей русских большевиков Якова Свердлова в начале Первой мировой войны пошёл добровольно во французскую армию, потерял в бою руку, но продолжил службу и окончил её капитаном и кавалером ордена По-

чётного легиона. В начале Второй мировой войны он командовал полком. Воевал в армии де Голля, в 1943 г. стал бригадным генералом, в 1950-м корпусным генералом.

Гершон Ритвас, еврей родом из Саратова, потом житель Литвы, где в июне 1941 г. добровольно вступил в Красную Армию, попал в плен. Выдал себя за татарина и оказался в Волжско-татарском легионе, сформированном немцами. который отправили во французский город Ле-Пьюи охранять советских военнопленных. Ритвас отыскал в своей части таких же, как он, евреев под маской мусульман (одна из уловок: он произнёс на иврите первую строку сионистской песни «А-тиква» и услышал рядом от другого «татарина» вторую строчку). Ритвас привлёк к себе и других солдат – уже вправду татар. Знакомая официантка кафе связала его с офицером Сопротивления. В апреле 1944 г. Ритвас дезертировал с группой однополчан, на следующий день вступил в бой с немцами. Ритвас воевал в отряде из 350 евреев, татар и французов, командовал полковник Гило (еврей Леви). Ротой Ритваса командовал еврей Андрэ Басс. Ритвас и его бойцы участвовали в нескольких сражениях с оккупантами, включая подразделения Татарского легиона. Партизаны устраивали диверсии, освободили из тюрьмы сотни заключённых, в одном из боёв убили 140 немцев и ранили 300. Они освободили города Лу-Пьюи (после 18-часового штурма) и Прива. В одном из боёв 1200 партизан противостояли 12 тысячам немцев, которые тогда потеряли тысячу человек (часть сведений здесь взята из статьи Евгения Берковича «Еврей в нацистском мундире», <http://berkovich-zametki.com/Ritvas.htm>).

Пять братьев Брухманов из Бессарабии в годы войны оказались в разных государствах и соответственно во всех четырёх союзных армиях. Один из них, Борис, во французском Сопротивлении два года командовал в парижском округе бригадой бойцов, за которой согласно отчёту СС числилось: почти сто взрывов в армейских гаражах и на заводах, 123 подожжённых грузовика, 33 нападения на общественные места, 31 пущенный под откос эшелон, расстрел больше 50 предателей и немцев, похищение 17 офицеров СС. В сентябре 1944 г. Б. Брухман сколотил еврейский батальон «Марсель Рейманн», который воевал в составе французской армии.

Чехословакия. В 1942 г. в СССР был организован Чехословацкий пехотный батальон – 1000 человек, из них 600 евреи. В 1943 г. половина батальона погибла в боях. Тогда же сформирована 1-я Чехословацкая бригада. В ней воевала еврейская семья Ланцер – мать Мальвина и три сына-добровольца, из которых двое погибли в боях под Харьковом. Все четверо награждены высшими чехословацкими орденами. Сражалась в бригаде и семья Айзенштадт – пять сестёр и мужа двух из них.

В Словацком антинемецком восстании 1944 г. участвовали 60 тысяч солдат Словацкой армии и 15 тысяч партизан, среди них 2500 евреев, пятая часть пала в боях. Раввин Вайербергер и ортодоксальный краковский еврей Кужнер командовали отрядом из 150 партизан-евреев, отличившихся в боях.

Югославия. В Народно-освободительной армии под командованием Иосипа-Броз Тито, насчитывалось 300 тысяч бойцов, в том числе 5000 евреев. 150 из них награждены орденами, звание Национально-

го героя Югославии получили 10 евреев, в том числе убитая в бою Эстер Овадия, которая в 22 года стала заместителем командира крупного партизанского соединения.

Первой женщиной-генералом югославской армии стала тоже еврейка, врач Роза Паро.

Эпицентр Второй мировой войны – Отечественная война между Советским Союзом и Германией. На её фронтах по данным Российского Центрального архива Министерства обороны сражалось 23% всех советских евреев, каждый четвёртый. А по всем народам СССР, вместе взятым, воевало 16% населения. Но сталинская пропаганда, потрафляя нужному власти антисемитизму, о том молчала. Как и о боевых заслугах евреев. Безмолвие оборачивалось оговором: «Евреи не воевали». Израильский историк Ицхак Арад, подросток-партизан в оккупированной Литве, а позднее генерал израильской армии, уязвлённый несправедливой малоизвестностью еврейского подвижничества в Отечественной войне с Германией, написал об этом книгу. Она вышла в 2011 г. в русском переводе под невыразительным унылым названием «Они сражались за Родину. Евреи Советского Союза в Великой Отечественной войне» [2], а в оригинале на иврите (издана в 2010 г.) книга называлась «В тени Красного знамени» и автор во вступлении разъяснял, что его работа *«проливает свет на истинную роль еврейских воинов на фронтах, в подполье и партизанской борьбе во время Великой Отечественной войны, роль, которую советские власти в большой мере укрыли в тень.*

Книга призвана извлечь из этой тени историческую правду». Ниже многие сведения из этой работы И. Арада, который пишет: «Евреи СССР воевали на всех фронтах войны, от заполярного Мурманска на севере и до Кавказа на юге; от Бреста и советско-немецкой границы и до подступов к Москве; на улицах Сталинграда и Берлина. Они служили во всех видах войск - в сухопутных, воздушных и морских... За доблесть и мужество, проявленные в боях, многие из них получили награды и звания. Звание Героя Советского Союза получили примерно 150 евреев. На фронтах Великой Отечественной Войны воевали 305 генералов-евреев. Ни в одной армии союзников не было такого, как в Красной армии, большого числа евреев-высших командиров и награжденных орденами и высокими званиями, несмотря на ограничительную политику советского руководства при получении наград и продвижении по службе» [2, 424-5].

В Красной армии воевало 500 тысяч евреев, из них 305 генералов (могло быть куда больше, перед войной Сталин загубил сотни евреев-старших офицеров); в армии США евреев больше, 550-600 тысяч, а генералов, адмиралов и контр-адмиралов в 12 раз меньше, 26 чел. Это где же юдофобия неистовей?

Однако о русском антисемитизме, включая военный период, промолчать трудно. Многие фронтовики заверяли, что на переднем крае юдофобия совсем или мало проявлялась, но куда деться от свидетельства в Листе Яд Вашема: «*Люльев Самуил, 1909 г.р., на фронте в чине майора бронетанковых войск зверски убит в части как еврей*» или от присланного туда воспоминания русского солдата, вы-

несенного с поля боя санитарями: рядом истекал кровью еврей Соломон Беленький, санитары пригладелись к нему, один хмыкнул: «Евреев не берём» – и Соломон остался умирать в ростовской степи.

Думается, что в тылу, где было куда меньше объединяющего риска, евреев не любили откровеннее.

О мужчинах, вдали от фронта суетившихся под безоблачным небом советской Азии, говорилось тогда с презрением и ненавистью – «тыловая крыса» безотносительно к национальности, но еврейские лики маячили, если не больше других, то ярче. Интересно бы выявить процент евреев, хитростью уклонившихся от окопов и сравнить с другими народами; вполне возможно, евреи не последние по числу дезертиров. Но и не первые, как гласила молва; не первые. Зато кое-что известно о количестве тех, кто сам, без мобилизационного подхлестывания, погнал себя в смертельное пекло. Евреев-добровольцев в Советской армии было по некоторым данным 135 тысяч – это 27% евреев-фронтовиков, среди народов СССР самый высокий процент [12, 27].

По Листам, хранящимся в Мемориале Яд Вашем:

Самуил Блюдой, сорокалетний астматик, отпущенный по болезни из действующей армии в тыл, скрыл там при повторном призыве своё состояние здоровья, вернулся в 1942 г. на фронт и погиб. В том же году в том же военкомате семнадцатилетний сын Самуила Миша попросился на войну. Мама плакала военкому: «Он же ещё ребёнок!» Военком

сказал: «Мамаша, вы можете гордиться таким сыном». Миша уговорил приписать ему год и как восемнадцатилетний законно отправился воевать. Когда ему действительно исполнилось восемнадцать, он был убит.

Финцов Александр Михайлович (Менделевич), 1905 г. р., юрист, г. Ленинград... Пишет дочь его: «У папы было очень плохое зрение... его не взяли в армию, но он пошёл в военкомат, чтобы добровольцем уйти на фронт. И его взяли в народное ополчение. Он был политруком на Ленинградском фронте. Мы с мамой получили от него два или три письма, и один раз он приезжал... А потом были бои, и всё кончилось... Пропал».

Капустин Зорух, 1899 г.р., бухгалтер, Днепрпетровск... К Листу приложены типовое извещение «В бою за социалистическую Родину верный призыве, проявив героизм и мужество погиб 8 августа 1943 г.» и письмо Зораха родственникам от 13 октября 1942 года, мятый листок блокнотный, из Кисловодска, куда Зораха занесло от семьи; бледным карандашом: «Дорогие мои, от Мани [жены] я ничего не слышу и не знаю, что думать. Повидимому их уже нет в живых... В ближайшие дни я еду в часть несмотря на то, что меня могут освободить, так как я почти что совершенно ничего не слышу... а оттуда на фронт, так как я всё равно уже ничего не теряю ибо что мне за жизнь будет без моей семьи которая скорее всего погибла от бандитской бомбардировки и мой долг отомстить бандитам за смерть моих детей и моей жены...». (А семья, похоже, выжила: Лист на Зораха написан его дочерью в 1992 году).

Эдельштейн Яков, 1912 г.р. Приложено письмо: «Это мой дядя... В июле 1941 г. он добровольцем ушёл на фронт. У него было бельмо на глазу и его не брали, но он настоял... Он был очень красив – блондин с серыми глазами... Был добрейшим человеком... На фронте он стал командиром «штрафного» батальона, я думаю, вы знаете, что это такое... В 1942 зимой он приехал в отпуск к нам в Магнитогорск... весёлый и всё такой же красивый и не только внешне. Он показывал шинель, простреленную пулями. Уехал на фронт вновь и вскоре погиб...»

Давидов Захар, 1926 г.р., школьник, г. Казалинск (Казахстан), погиб на фронте в 1942 г. (16 лет! Несовершеннолетний - значит, доброволец).

Давидов Ариэль, 1926 г.р., школьник, г. Казалинск (Казахстан), лейтенант, погиб под Смоленском 6 марта 1943 г. (Двоюродный брат Захара, тоже несовершеннолетний, тоже доброволец).

Фельдман Хаим, 1928 г. р., (ещё младше Захара Давидова) эвакуирован из Резины, Молдавия, в Ташкент, оттуда пошёл на войну (скольких лет? 14-ти? 15-ти? Ведь погиб в 16) на фронте, Австрия, Вена.

Орнштейн Ефим (Хаим), 1924 г.р. В мае 1942 в группе учеников Песчаноконской средней школы Ростовской обл. добровольно ушёл на фронт, попал в полковую разведку (помощник командира взвода). И вот в горах, примерно в 50-60 км от Нальчика его батальон оказался в окружении. Иссякли все запасы боеприпасов и воды (пользовались росой!) И тогда Ефим решил прикрыть своих боевых товарищей, поднятых им в атаку... Это было 20 ноября 1942 г. За этот подвиг посмертно был представлен к награде...

Август Илья, 1902 г.р. Он окончил заочно Московские педагогический институт и институт философии... В Харькове читал историю архитектуры в строительном институте и историю искусств в художественном институте, где в 1938 году в звании профессора становится директором института. На этом трудовом посту в 1941 году его застаёт 2 мировая война. Илья Лазаревич имеет белый билет по состоянию здоровья, кроме того, он имел бронь в соответствии с занимаемой должностью, но в 1943 году он заканчивает Военно-политическую академию, где его как блестящего лектора оставляют преподавателем. Но он уезжает на фронт. Старший лейтенант Илья Август убит при артобстреле 13 ноября 1943 года... Место захоронения – село Акулино, Калининской обл.

Коткины (четыре брата) Яков, 1911 г.р., инженер; Матвей, 1913 г.р., инженер; Ной, 1916 г.р., техник; Семён, 1921 г.р., техник – обо всех в Листах «ушёл добровольцем на фронт, погиб, 1941 г.»

Ругинец Марк Львович, 1926 г. р., ученик 9-го класса. Выглядел старше своих 15-ти лет. Ушёл добровольцем на 3-и сутки войны. Пропал без вести.

У Штейнов, Миры и Боруха, в 1913 г. родились два сына-близнеца. Пришла война и братья напросились служить в одном танковом экипаже. Повезло!.. В бою они сгорели в танке вместе...

Шпольников Марк, 1925 г.р., ученик, г. Ленинград. В 1941 г. исправил в паспорте год рождения 1925 на 1923 и добровольно вступил в 16 лет в отряд народного ополчения, где в июле 1941 г. погиб. P.S. Родители в 1937 г. были репрессированы, в 1938 г. расстреляны.

Зудит вопрос: почему ушёл на фронт Марк Шпольников? От горького горя сиротства? От изгойской судьбы «детей врагов народа»? Или от отчаяния, что любимые папа с мамой – враги самому дорогому: Комсомолу, Родине, Сталину? Может, искупать «вину» родителей ушёл? Так рванул на войну мой друг Марат Мазо: его отец, большой чекистский начальник, не в силах нести палаческие обязанности, застрелился в 1937-м и прощально написал жене: «Воспитай сына коммунистом»; записка жгла сына всю жизнь, толкнула и на фронт. Первый бой М. Мазо был – форсирование Днепра под Киевом, кто выжил, того наградили, семнадцатилетний Марат среди них. Марат был везуч – дошёл до Берлина, на рейхстаге расписался. А про ту переправу вспоминал: «Я за всю войну такого страха больше не испытывал».

Главнокомандующий И. Сталин приказал 9 сентября 1943 г. награждать за форсирование Днепра званием Героя Советского Союза. За это и за бои при взятии Киева Золотую Звезду Героя получили 900 солдат, из них 27 – евреи (на третьем месте после русских и украинцев). И. Арад приводит часть имён: Юрий Должинский, Залман Вихнин, Григорий Гарфункин, Аркадий Каплунов, Семён Гельферг, Израиль Куперштейн, Михаил Грабский, Ефим Березовский, Евгений Бирбраер, Исаак Ваксман, Лев Маргулян, Владимир Вайсер – почти все награждены посмертно.

В бой за Днепр красноармейцы шли под песню *«Ой, Днепро, Днепро, ты широк, могуч, И волна твоя,*

как слеза... .. Кто погиб за Днепр, будет жить века,
Коль сражался он как герой»; песня сотворена тоже
евреями композитором Марком Фрадкиным и поэ-
том Евгением Долматовским – совпадение странное
или в чём-то показательное?

Не всех и не всегда находили заслуженные Золо-
тые Звёзды. По разным обстоятельствам. Штурман
бомбардировщика капитан Лев Овсищер совершил
670 боевых вылетов, 24 раза летал в Сталинграде
над окопами окружённой армии немцев, вещал по
радио призывы к ним сдаться и разбрасывал ли-
стовки. Мирный агитационный самолёт на высоте
всего 200 метров в море зенитных снарядов. Мар-
шал Рокоссовский сам пожал руку экипажу и пообещал
звание Героев. Л. Овсищер Звезды не получил.
В 1990-е годы я спросил отставного полковника
Овсищера: «Почему? Антисемитизм где-нибудь
в штабах?» - «Нет, - сказал Лев Петрович. – Просто
неразбериха войны»

А я ведь почему спросил? В начале 1943 г. Глав-
ное политическое управление Красной Армии рас-
порядилось «наградить... евреев ограниченно» [2,
164]. Не оттого ли получилось, что лётчик-нееврей
Николай Гастелло, вроде бы направивший 26 июня
1941 г. свой горящий самолёт на скопление немецких
войск (что сегодня опровергается), получил звание
Героя и всенародную славу, но лётчикам-евреям, в
действительности произведшим такой «огненный
таран», Исааку Пресайзену (он это сделал через 20
часов после полёта Гастелло, всё удостоверено аэро-
фотосъёмкой и свидетелями-лётчиками, включая

Героя Советского Союза генерала В. Сандалова), а также Исааку Иржаку (тот же подвиг в 1944 г.) достались: Пресайзену орден Ленина, Иржаку орден Отечественной войны первой степени (и то после войны).

Самой, может быть, славной операцией белорусских партизан и подпольщиков было уничтожение в Минске гитлеровского наместника фон Кубе. Его казнь организовал командир партизанского отряда Давид Кеймах. Все основные участники операции получили звания Героев Советского Союза. Кроме еврея Д. Кеймаха, хотя его представляли к этой награде отдельно друг от друга три белорусских партизанских командира, все Герои Советского Союза. После гибели Кеймаха при перелёте в Москву его посмертно наградили орденом Отечественной войны.

Документы Яд Вашем:

М. Фельдман (1918 – 1943, письмо с фронта): *«Здравствуйте, дорогие родители Папа и Мамаша. Первое напишу, что я жив и здоров... Охраняю город Архангельск от гитлеровских бандитов. Но это временно. Не могу дожидаться, когда мы уже поедem громить фашистов... За меня не беспокойтесь. Жду ответ. Михаил Исаакович Фельдман»*. Ехать не пришлось. Убили Михаила Исааковича в бою тут же под Архангельском.

З. Портнов (1924 – 1943, письмо матери с фронта): *«Здравствуйте, дорогие! Сегодня я именинник, этот день встречаю в борьбе с немецкими оккупантами. Фриц находится сейчас от меня 200-250 метров и пишу Вам письмо под артиллерийским обстрелом.*

В эти дни ходил три раза в наступление. Пока жив и никуда не ранен. Дальнейшее сказать не могу. Если буду жив, то увидимся и приеду к вам. Если же погибну, то знайте, что погиб как сын, преданный своей Родине, как комсомолец, как патриот своей Родины... Крепко, крепко целую Вас всех. С гвардейским приветом. Твой сын Зиля». Через три дня лейтенанта З. Портнова ранили в бою. Мать потом на свои запросы получила два фронтовых ответа: первый, что раненный «отправлен в 98 отд. медсанбат для излечения», и второй, что «разыскиваемый в 98 отдельный медико-санитарный батальон не поступал». Канул в никуда.

Глушкин Борис, 18 лет, школьник, капитан юношеской футбольной команды. Погиб во время наступления... Перед смертью сказал товарищам: «Не сообщайте матери, что я погиб». Ей прислали извещение «Пропал без вести». После войны сообщили правду сестре.

Письмо жене лейтенанта М. Шойхета из войсковой части «Полевая почта 43706» (21 июня 1944 г.): «Михаил Исаакович Шойхет, находясь на территории противника, был тяжело ранен в ногу... На попытки его товарищей вынести на свою территорию он заявил: «Никуда меня не трогайте, так как вынести не сможете. Возьмите мои партдокументы, передайте их парторгу, а меня прошу не считать без вести пропавшим, в меня есть ещё один патрон в пистолете». Обстоятельство дел было таково, что вынести раненых не смогли, а оставили их в землянке на территории противника. В числе их остался и лейтенант Михаил Исаакович Шойхет славный патриот Родины. Начальник штаба ст. лейтенант Горонин».

Письмо жене Е. Фридмана, убитого 5 августа 1942 г.: *«Дорогая Фаня Давыдовна. С чувством глубокого горя и печали сообщаем Вам о преждевременной смерти в бою Вашего Мужа, нашего боевого товарища. Верный Воинской присяги и своему правительству и коммунистической партии Ефим Абрамович до последней капли крови сражался с нашими злейшими врагами кровавыми фашистами. Вы можете гордиться своим мужем его героическими делами в борьбе с фашизмом за свободу и честь нашей родины за наше будущее за наших детей. Только в одном бою Ефим лично уничтожил 6 гитлеровцев. Своим героическим примером он поднимал в атаку бойцов и брал укрепленные пункты противника. За храбрость и героизм командование части возбудило ходатайство о награждении Ефима орденом Отечественной войны 1 степени...»*

Письмо:

«ХАРЬКОВСКОМУ ОБКОМУ КП/б/У

В мае м-це 1943 г... РОГАЧЕВСКИЙ Александр Борисович 1925 г. рождения... окончил спецшколу УШПД [Управление Штаба партизанского движения]... направлен в тыл врага, где пробыл 11 месяцев на должности радиста [партизанского] соединения...

25 июля 1944 года он в качестве старшего радиста нашей десантной группы вылетел на территорию Чехословакии... ..я с отрядом в 120 человек отделился от группы. Т. РОГАЧЕВСКИЙ был выделен мне на должность Начальника радиосвязи...

Существование бригады во многом зависело от связи с Большой Землёй, поэтому т. РОГАЧЕВСКИЙ уделял много внимания этой ответственной зада-

че, выходя аккуратно на радиосвязь, держа в порядке аппаратуру. Работал чётко и безошибочно... В трудных моментах... т. РОГАЧЕВСКИЙ добровольно брал в руки автомат и даже пулемёт и шёл бесстрашно в бой... т. РОГАЧЕВСКИЙ – пример хладнокровного и храброго партизана... лично в боях уничтожил свыше 20 солдат и офицеров противника. 27 сентября 1944 г., когда немцы пытались разбить бригаду и захватить штаб, т. РОГАЧЕВСКИЙ ... оставив за себя радиста Савельева, пробрался на самый ответственный участок боя и оказался среди вражеских цепей. Однако он не струсил и вступил в неравный бой. Будучи ранен, он ещё продолжал сражаться, застрелив при этом 8 фашистов. Когда немцы... вторично тяжело ранили РОГАЧЕВСКОГО, он, не желая попасть в лапы зверя, уничтожил документы (о чём говорят остатки несгоревших кусочков бумаг) и из пистолета застрелился. Немцы были отбиты, и труп РОГАЧЕВСКОГО найден на месте боя. Фашистские звери издевались над мёртвым телом РОГАЧЕВСКОГО, выломали руки и ноги и, обезобразив его, бросили. 28 сентября вся бригада хоронила своего героя т. РОГАЧЕВСКОГО Александра.

За предыдущие боевые действия т. РОГАЧЕВСКИЙ А.Б. награждён Орденом Отечественной войны I степени и посмертно представлен к награждению орденом ЛЕНИНА. Считаю, что т. РОГАЧЕВСКИЙ Александр проявил себя истинно преданным сыном нашей Советской Родины и погиб геройской смертью... заслуживает, чтобы тело его было предано земле на его родине с соответствующими воинскими почестями, ходатайствую перед

Вами об организации перевозки тела РОГАЧЕВСКОГО из Словакии в г. Харьков.

...Родители РОГАЧЕВСКОГО проживают в гор. Харькове по Саммеровскому переулку № 3 кв. 127...

*КОМАНДИР 2-й СЛОВАЦКОЙ ПАРТИЗАНСКОЙ
БРИГАДЫ
(ПОПОВ)*

3 июля 1945 г.».

Письмо из Действующей армии матери минского студента Якова Млодинова (1924 г.р.): «Уважаемая тов. Млодинова! Ваши письма... неоднократно мы получали. Но отвечать на них не мог. Сейчас, ввиду Вашей просьбы, напишу правду, хотя она и очень горькая, как для Вас, а также и для нас.

Ваш сын, Яков Григорьевич Млодинов, 3 ноября 1942 г. погиб от пули снайпера...

Тов. Млодинова, не убивайтесь. Вы потеряли сына, мы в его лице потеряли хорошего товарища. Война жестокая и требует жертв. Жертвы эти не даром. За его смерть в жестоких боях мы отомстили, но клянусь Вам, что мы будем мстить ещё и ещё, чтобы все фрицевские самки завыли от горя.

Тов. Млодинова, простите за прямой ответ.

С уважением к Вам ст. лейтенант Хомяков».

Шестого октября 1941 года в тылу Шлёма Аронсон развернул газету «Правда» и прочёл стихотворение Самуила Маршака: «Под сосновой ржавой хвоей, Под венком еловым Вы лежите, славные герои, - Аронсон с Орловым...»

Стихотворение называлось «Памяти героев». Под заголовком объяснялось, что речь идёт о батальонном комиссаре Орлове Михаиле Васильевиче и командире батареи Аронсоне Рафаиле Шлёмовиче.

Так Шлёма Аронсон узнал о смерти сына. «Похоронка» дошла много позже.

С. Маршак (из письма Ш. Аронсону 16.08.1945 г.):

«Мне трудно установить точное место, где покоится Ваш сын-герой. Помню только, что могила его, которую я видел во время своей поездки на фронт, находилась около деревни Озернице... у сельской школы... она была заботливо устлана хвоей, накрыта венками...

Мне рассказали участники боя, что вместо погребального салюта в память погибших героев батареи, которой до последней минуты командовал Ваш сын, дала залп по врагу. Этим залпом началось наступление, которое окончилось успехом...

Трудно сказать, сохранилась ли до сих пор надпись на могиле... В этих местах шли ожесточённые бои.

Но то, что я видел, навсегда останется у меня в памяти. Я глубоко почувствовал, как любили боевые товарищи Вашего сына, как бережно чтили они его светлую память...»

Однополчане Р. Аронсона - его отцу:

«1 сентября 1941 года. Действующая Красная Армия.

Дорогой тов. Аронсон

Великая Отечественная война Советского народа против иноземных захватчиков гитлеровской орды, заклятых людоедов-фашистов каждый день рождает новых и новых героев...

Таким был Ваш Рафаил... Он был всегда впереди, своим примером увлекая подчинённых и товарищей на новые подвиги...

...будучи командиром батареи, он своим огнём

уничтожил много артиллерийских и миномётных батарей противника, вражеской пехоты, немецких танков. В войне он не знал никогда усталости и страха... Но вот 19 августа осколком комбат наш, а Ваш сын был смертельно ранен. Перед свежесрытой могилой его мы, бойцы и командиры поклялись жестоко отомстить фашистам за комбатову смерть.

Так оно и будет.

...Победа будет за нами.

Политрук батареи (подпись)

...Вещи Вашего сына мы отошлём по Вашему адресу через несколько дней. Привет. Мы отомстим. (подписи)»

И. Гут (двоюродный брат Р. Аронсона; заметка в израильской газете «Новости недели», 10.09.1943): *«Когда с фронта пришла в начале января 1942 года посылка с личными вещами Рафы, я, успевший к тому времени закончить то же самое Краснодарское артиллерийское училище в звании лейтенанта, спорил с его гимнастёрки петлицы, оставил на них два «кубаря» и пришёл к своей гимнастёрке. Так с петлицами и «кубарями» погибшего брата я отправился на фронт...»*

М. Бегин (Из книги «Белые ночи»: стенограмма переговоров Сталина с военными руководителями Польши во время войны, генералами Сикорским и Андерсом):

«АНДЕРС: ...в моём распоряжении будет около ста пятидесяти тысяч человек, но среди них много евреев, не желающих служить в армии.

СТАЛИН: Евреи – плохие солдаты.

СИКОРСКИЙ: Среди евреев, вступивших в армию, много торговцев... Они никогда не будут хорошими солдатами. В польской армии мне такие люди не нужны.

АНДЕРС: Двести пятьдесят евреев дезертировали из военного лагеря в Бузулуке... Пятьдесят евреев дезертировали из Пятой дивизии...

СТАЛИН: Да, евреи – плохие солдаты» [17, 160].

В шельмовании евреев, как ни в чём другом, сошлись вожди польские и советский. Не припомнилось им, конечно, как их родное славянское население под оккупацией покорялось немецкому кнуту: от запрета на образование до угона на рабский труд в Германию – «Слушаюсь!» Исполняли в лучшем виде. А евреи в Варшавском гетто в 1943 году первыми в городах Европы массово поднялись с колен и воевали до последнего без мало-мальски боевой поддержки ни храбрых поляков, ни могучей сталинской армии, ни союзных войск – в полном одиночестве, в безнадёге.

Когда 75-тысячная армия Андерса, сформированная из польских беженцев в СССР, прибыла в Палестину, в ней было 642 еврейских солдата, из которых 72 дезертировало, больше 10 процентов – и кажется, подтвердилось мнение Андерса, но чуть копнуть и выясняется: большинство дезертиров ушло в еврейские вооружённые отряды [18, 362].

Что же до Сталина, то он и его кремлёвская команда определили антиеврейскую пропаганду от времени войны и надолго-надолго вперёд.

Впрочем, тут к месту оглянуться на предвоенные ещё годы. Антисемитизм, как давно подмечено, никогда не умирает, только спит вполуха. И как бы советская власть ни боролась с этим «позорным пережитком прошлого» в 1920-30-е гг., он тлел в народной душе, звучал мотивами, слышными слабо, но доступно чуткому слуху большевистских правителей. С 1939 г., с Договора Риббентропа-Молотова, обручившего нацистскую Германию с Советским Союзом, эти мотивы стали нарастать в унисон с антисемитским хором гитлеровцев сперва потихоньку, а с началом войны всё сильнее.

Сталин – пуще польских генералов знаток, Генералиссимус. Под его началом воевало в Советской армии полмиллиона евреев-«плохих солдат», среди них сотни генералов. Из указанных выше И. Арадом 305 генералов-евреев Отечественной войны непосредственно на фронтах сражалось 132 (38 погибли). Как воевали? К примеру, о генерал-лейтенанте Григории Пласкове высказался суровейший маршал Георгий Жуков: *«Храбрее солдата, чем генерал Пласков, не знаю»*. И первый советский генерал, в самое гибельное время войны 22 июля 1941 г. получивший Золотую Звезду Героя Советского Союза, Яков Крейзер – еврей. Он стал Героем за то, что силами своей дивизии задержал на двое суток продвижение к Москве танков прославленного гитлеровского генерала Гудериана.

На подступах к Москве Гудериану очень мешали и тяжёлые бои с корпусом другого еврея, генерал-лейтенанта Семёна Кривошеина, его давнего знакомца: по капризу судьбы они после падения Польши в 1939 г. принимали в Бресте совместный победный парад союзных тогда войск Германии и СССР.

(Карьера Кривошеина: в 1918 г. доброволец в 1-й Конной армии Будённого, отвоевал Гражданскую войну, затем пересел с коня на танк, командовал танковым батальоном, потом бригадой; руководил советскими танкистами в испанской гражданской войне (1936-38 гг.), в боях с японцами (1938 г.), в Польше (1939 г.); прошёл Отечественную войну от первого её дня до Берлина, за взятие которого в мае 1945 г. стал Героем Советского Союза).

В схватке Кривошеина с Гудерианом в 1941 г. отличился командир одного из кривошеинских батальонов капитан Давид Драгунский. Ему предстояло: командовать стрелковой дивизией и вывести её из окружения под Ржевом; с 1943 г. в звании полковника командовать танковой бригадой, воевать с нею под Курском, форсировать Днепр на Украине; после ранения, считавшегося врачами смертельным, вернуться в строй, в Польше переправиться через Вислу и за бои под Сандомиром в сентябре 1944 г. получить Золотую Звезду Героя Советского Союза; в 1945 г. пройти с боями 600 км за 20 дней и 30 апреля присоединиться к корпусу Кривошеина, штурмующему Берлин, – наградой стала вторая Золотая Звезда. После Берлина Драгунский ещё брал Прагу.

Две Золотые Звезды за Отечественную войну – один-единственный такой еврей в огромном СССР, он очень пригодился советским коммунистам, когда они развернули антисемитскую борьбу с международным сионизмом. Партия позвала Драгунского – и 21 апреля 1983 г. он, тогда уже генерал-полковник, возглавил Антисионистский комитет советской общественности (АКСО), взялся освобождать евреев от сионизма, как прежде мир от гитлеризма.

Дважды Герой Советского Союза, кавалер двух орденов Ленина, четырёх орденов Боевого Красного Знамени, двух орденов Красной Звезды, орденов Суворова 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени, Дружбы народов 3-й степени, «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» 3-й степени и многих медалей – но вот ведь получил команду, козырнул послушно и отправился выполнять задание (может, и с охотой? Может, не вспомнил, что в 1948-м, когда рождалось в боях с арабами Государство Израиль, он просил разрешения набрать дивизию и отправиться воевать за евреев [израильская газета «Еврейский Камертон», 4 авг. 2005 г., статья Леонида Млечина «Тайна смерти министра»]. Есть данные, что Сталин хотел видеть Драгунского израильским военным министром).

К его 80-летию юбилею в 1990 г. другие орденосные ветераны Илья Лахман, полковники Ефим Гохберг и Юрий Сокол (в войну считавшийся погибшим после того, как в бою вызвал огонь на себя) призвали Д. Драгунского отказаться от угоднической службы. Но тот был нестигаем до последнего своего вздоха в 1992 г. Он дважды противостоял даже верховной партийной власти, когда она в 1980-е гг. склонялась закрыть Антисионистский Комитет. Он уверял, что сионизм – это человеконенавистничество, фашизм и расизм.

А в 1989 г. на московском вечере израильского кинорежиссёра и писателя Эфраима Севелы, пройдя к нему за кулисы, сказал не слишком громко: «Вы хвалили израильскую армию. Я очень рад за них. Очень» - даже всхлипнул от удовольствия, и две Звезды на груди отблеснули.

Немало сердец, твёрдых в смертельных вихрях войны, размягчались до хлипкости зефирами послевоенного покоя, грозящими всего-то потерей почестей и бытовых удобств.

«Ржа ест железо...» - из русской поговорки.

Когда еврей-ветеран менял былую фронтовую отвагу на позорную робость мирного времени, в угоду властям открешиваясь от еврейства, - он лил воду на ту же юдофобскую мельницу, растиравшую еврейскую боевую славу в убеждение: «евреи не воевали». Вот письмо об убитых родственниках, вполне обычное, но подписано замечательно гордо: *«Инженер Александр (Исаак) Сорокин (Соркин), ветеран 2-й ударной армии Первого Белорусского фронта Второй мировой войны, инвалид войны, имею 12 боевых наград»*. Тут же постскрипtum - спешит оправдаться ветеран Сорокин-Соркин: *“P.S. Пояснение по поводу изменения моей фамилии. После тяжёлого ранения на фронте меня доставили с передовой в госпиталь в бессознательном состоянии и на вопрос «Ваша фамилия?» я ответил невнятно и медсестра записала как поняла то есть Сорокин. Моя же красная армейская книжка после ранения осталась у моего командира разведзвода (такой был порядок при тяжёлом ранении солдата).*

В 1971 году ввиду антисемитизма своё паспортное имя «Исаак» мне пришлось изменить через ЗАГС на «Александр» тем более, что в обиходе меня называли в детстве «Иська», а потом «Сашка» и «Саша».

«Не зови меня Сруль, а зови меня просто Володя».
Смех и грех...

«Ввиду антисемитизма» через 26 лет после войны кавалеру 12 фронтовых наград стало боязно в Исаа-

ках, замаскировался словно в привычную разведку пошёл во вражеский тыл.

Шепоток галутной хлипкости среди звона боевых наград. «...а лжа ест душу» - окончание пословицы. Это уже про сталинско-советскую выделку мозгов.

Не всех, однако, корёжит. Слава богу, обнаруживается Иосиф Абрамович Рапопорт. Четырежды доброволец Отечественной войны. На второй её день, отказавшись от назначенной тогда защиты докторской диссертации по биологии, ушёл на фронт. И ещё трижды был отлучён от армии – после тяжёлых ранений и потери глаза да после окончания в 1943 г. Военной академии – но все три раза возвращался на передовую. Отвоевал от командира взвода в 1941 г. до начальника штаба десантного полка в 1945-м. Самовольно, переча начальству, проводил боевые операции при форсировании Днепра в 1943-м и при взятии венгерского города Мезекомарома в 1944 г. и так успешно, что был оба раза представлен к званию Героя Советского Союза. А в 1945 г., за день до конца войны, 8 мая командовал броском через скопления немецких войск навстречу американским частям. *“Тов. Рапопорт возглавлял передовой отряд, состоявший из одного стрелкового батальона, дивизиона самоходных пушек, прорвался с этим отрядом сквозь сильную оборону противника и навязал немцам бой в глубине их обороны... За 8 мая передовой отряд, возглавляемый гв. майором Рапопорт, с боями прошел 83 км. Этот отряд малыми силами очистил от немцев три города, несколько сел и взял в плен 35 тыс. гитлеровцев”*,

– это цитата из третьего по счёту представления Рапопорта на звание Героя. Все три представления отечественными Золотыми Звёздами не увенчались, только американцы наградили высшим орденом «Легион заслуг». А Героем Советского Союза он так и не стал, и не антисемитизм тому причина, а дурные отношения с начальством.

Безоглядный воитель Рапопорт и в мирные годы неуёмно и громогласно бился с родной компартией, гнобившей его науку генетику и евреев-учёных – в итоге вылетел из партии и с работы. Десять лет кормился разными занятиями и инвалидной пенсией. А потом возвращение в генетику и – победы, победы, победы. Несгибаемый десантник. За работы

Йосиф Рапопорт

по химическому мутагенезу в 1962 г. Нобелевский комитет решил выдвинуть его на свою премию; боясь политического неудобства, комитет решил согласоваться с советским руководством. Рапопорта вызвали в Центральный Комитет компартии, велели проситься обратно в партийные ряды. Он отказался: «Вы обязаны извиниться передо мной». Не состоялась Нобелевская премия. Что ж, состоялась Ленинская премия. Он и Золотую Звезду получил – не Героя Советского Союза, так Героя Социалистического труда. И стал членом-корреспондентом Академии наук СССР, и слава его научная всемирная, и колосится на полях пшеница, названная

именем Иосифа Рапопорта, профессора и гвардии майора.

В Интернете одна из публикаций о нём озаглавлена «Герой... Воин... Гений». А солдаты звали своего малорослого одноглазого комбата «Батяней». Иным звездоносцам примериться бы к его судьбе – это ведь не доблестное командование антисионистским фронтом.

В конце 1980-х годов на фоне разрушения советских структур валился и Антисионистский комитет, не один год искоренявший в советских евреях евреев. Лихорадочно борясь за право на хлебную и бесхлопотную войну с придуманным сионистским злодейством, комитет пытался отмыться от антисемитизма, пятнавшего прошлую его службу. Среди потуг антисионистов была и попытка опубликовать число евреев-Героев Советского Союза.

- Вы знаете, - доверительно жаловался мне сотрудник Комитета, по совместительству немалый чин в госбезопасности, - знаете, ведь в нашем народе только и разговору, что евреи боятся воевать. Ну, несправедливо же... – страдал он, русский мужик, такой протестский, друг хоть чукчам, хоть арабам, хоть евреям – наши русские люди не знают, как евреи прекрасно воевали. Вот мы хотели об этом в газете написать. Но там, - он указал пальцем в потолок, над которым угадывалось Верховное, Вышнее, не иначе ЦК партии, - там нас не поняли. Мы и так предлагали, и сяк: давайте хоть в рубрике «Ответ читателям» поместим вроде вопрос читателя, мол, «Сколько у нас евреев Героев или вообще награждённых за фронт?» и ответим просто цифрами, без

рассуждений, без болтовни. Вы же знаете, у евреев замечательные показатели, в процентах к численности нации они на самых первых местах. Нет, не разрешили нам это напечатать. Видно, не пришло ещё время. Не любят они про евреев. Но ничего, дождёмся, добьёмся... – утешил меня бывший кипучий антисионист, а ныне борец за правду об евреях.

Это было в 1989 году, с войны почти полвека; «жиды», как всегда, числились в жалких трусах. «Они плохие солдаты». Традиция. В 1943 г. в центральной советской печати, журнале «Большевик» появилась статья, где указывалось число награждённых воинов по национальностям: евреи оказались в конце списка среди калмыков, бурятов и прочих, не удостоенных упоминания о числе наград. А награждённых евреев в ту пору было 5163 (через несколько месяцев стало свыше 11 тысяч), много больше, чем у многих народов, чьи награды были подсчитаны и указаны. Тогда еврейские общественные деятели, руководители Еврейского Антифашистского Комитета (ЕАК) Соломон Михоэлс и Шломо Эпштейн написали партийному руководству СССР: *«Умолчание... числа награждённых евреев... играет на руку враждебным элементам как в СССР, так и за рубежом... Было бы желательно, чтобы последние официальные данные о награждённых бойцах и командирах Красной Армии, в том числе и евреях были полностью опубликованы в нашей центральной печати»* [2, 164-5].

Разогнались. В середине 1945 г., едва окончилась война, журналистка Мирра Железнова (Айзенштадт) в единственной советской еврейской газете «Эйникайт» опубликовала данные о количестве евреев-Героев Советского Союза. Цифра поражала: 135 Ге-

роев. Заграничная пресса, захлёбываясь восторгом, перепечатала эти данные, взятые из официальной справки Военного Министерства СССР, выданной по просьбе председателя ЕАК С. Михоэлса. Справку подписал начальник Управления по наградам полковник А. Токарь. Неугомонный Михоэлс запросил и получил ещё одну справку – о числе боевых наград у евреев и у других советских народов, по ней выходило, что евреи на пятом месте. Документ подписал другой полковник Главного Управления военных кадров Иночкин, получил её сотрудник ЕАК Соломон Шпигельглас. Эта справка, в отличие от первой, про евреев-Героев, вообще ни в какое дело не пошла, лежала у Мирры Железновой пока её не арестовали в 1950 г. Её обвинили в публикации численности евреев-Героев Советского Союза и в передаче за границу данных из второй справки, о награждённых. М. Железнову больше 8 месяцев пытали в госбезопасности и расстреляли в ноябре 1950 г. Шпигельглас в 1946 г., уже через два месяца после получения справки о наградах умер при не вполне ясных обстоятельствах, а подписавшие обе справки полковники Токарь и Иночкин отправились в концлагерь на 25 лет. Так сложились судьбы всех, коснувшихся великого советского секрета, охраняемого словно «катюши» на фронте, словно дворцовые тайны Московского Кремля.

Десятки лет не было вымечтанных евреями публикаций.

В 1964 г. в Украине выпустили книгу о девятнадцатилетнем Володе Соболеве: ему, военнопленному, отпилили без наркоза раненную руку, после чего он бежал из колонны пленных, добрался до родной Винницы, связался с подпольщиками, застрелил гит-

леровского офицера и позднее, выданный предателем, погиб в гестапо. Подвиги Володи отмечены – через 20 лет! - не Звездой Героя, Родина даже на орден не раскошелилась – медаль отмерила «За отвагу», посмертно - спасибо, что не «За оборону Ташкента». А на школу, где он учился, мемориальную доску повесили.

В книге о Соболеве мама его Анна Исаковна названа Анной Ивановной, сам он Владимир Михайлович – облагородили героя, поди угадай еврея!

В оккупированном Киеве подпольщиками-коммунистами руководил еврей Семён Бруз, оставленный в городе при отходе советских войск. В 1942 г. подполье провалилось, Бруз застрелился, чтобы не попасть в гестапо живым. Кто и где читал или хотя бы слышал о Брузе?

Среди киевских подпольщиц была 20-летняя еврейка Таня Маркус – красавица, известная среди немецких офицеров как дочь грузинского князя Маркусидзе (так значилось в её документах), расстрелянного большевиками. Её разведывательскими стараниями погиб не один немец, прежде чем её выследили и она бежала из Киева к партизанам. По дороге её схватили и после пыток расстреляли. По документам гестапо она осталась значиться грузинкой, уроженкой Тбилиси. А в послевоенном отчёте киев-

Владимир Соболев

ских коммунистов о подполье в столице Украины: *«Храбрая комсомолка, не знавшая страха, Татьяна Маркус, под псевдонимом Маркусидзе, активный член диверсионной организации, лично уничтожила десятки солдат, офицеров, коллаборационистов... Она выполняла наиболее ответственные поручения организации по подготовке диверсионных акций и т.п.»* [2, 303] – гимном пропето, только еврейская национальность героини не указана ни здесь, ни в последующих редких о ней публикациях.

Зато достаточно было советскому вождю Никите Хрущёву ляпнуть в одном из выступлений, что некий еврей (фамилия прозвучала, очень еврейская) из Киевского подполья после ареста служил немцам переводчиком в армейском штабе, - и понеслось то замечательное сообщение, расцвеченное партийными пропагандистами, в уши и души народные. Беднягу еврея немедля отыскали в Киеве, стали шельмовать, с работы погнали, и спас его от расправы лишь напор бывшей соучастницы по киевскому подполью русской писательницы Ариадны Громовой, печатно, в центральной газете не побоявшейся и сумевшей противопоставить вранью вождя правду: не служил тот еврей немцам ни переводчиком, ни кем ещё – безупречен в годы войны. Но застряла в народном сознании байка о еврее, служащем немецкому воинству.

В мае 1942 г. недалеко от Слонима (Белоруссия) воевал партизанский отряд им. Щорса под командованием застрявшего в окружении 23-летнего лейтенанта Павла Пронягина. В Слонимском гетто было подполье, оно поставляло партизанам Пронягина оружие, сворованное на немецких складах, где работали ев-

реи, и бойцов – беглецов из гетто. Одна из четырёх рот отряда Пронягина, именованная 51-й, стала почти полностью еврейской после назначения её командиром еврея Ефима Федорóвича и ухода из роты многих белорусов, не желавших воевать рядом с «жидами».

В августе 1942 г. в местечко Коссово прибыли каратели, чтобы уничтожить местное гетто. Отряд Пронягина, вобрав в себя соседних партизан, напал на Коссово, перебил карателей и попутно увёл всех обитателей гетто - стариков, женщин и детей, для них создали в лесу семейный лагерь. В дальнейших боях отряда еврейская рота, непрерывно теряла бойцов-евреев: их число сократилось от первоначальных 171 до 106. 13 сентября 1942 г. в трудном бою с немцами погибли многие бойцы роты. Тяжело раненного командира роты Ефима Федорóвича по его просьбе застрелил один из бойцов.

Начальство от отрядного (кроме Пронягина) до республиканского рвалось лишить 51-ю роту еврейского облика – с какой стати евреев выпячивать? Пронягин, хоть и дослужился до начальника штаба соединения, противостоять этому не мог. Разбавленная белорусами, рота в январе 1943 г. перестала числиться еврейской, её бойцов разбросали по другим подразделениям.

П. Пронягин (свидетельства в Яд Вашем): *«Я, Пронягин Павел Васильевич, 1916 года рождения, русский... был командиром отряда им. Щорса. С апреля 1943 г. по август 1944 г. был начальником штаба Брестского партизанского соединения.*

...Партизаны-евреи участвовали во всех боевых действиях в составе отряда и в большинстве случаев были в авангарде. Любой мой приказ они безот-

казно и блестяще выполняли. К ним следует отнести таких мужественных бесстрашных партизан из бывших узников гетто, как Зорах Кремень, Арон Бандт, Яков Шепетинский... и др.

Особо большие заслуги принадлежат нашим подрывникам железнодорожных эшелонов с живой силой и военной техникой. Например, Натан Ликер пустил под откос 28 эшелонов противника. Немного от него отставал Зорах Кремень. В числе отважных подрывников, выполнявших задание с ювелирной точностью, были Неня Циринский, Авиэзер Имбер. Однако моё ходатайство о присвоении им высших боевых наград... было отклонено, и их наградили орденами и медалями, менее соответствующими их подвигу.

В боевой деятельности наравне с мужчинами участвовали наши девушки Гута Мерзон, Ира Вайсельфиш... и др. Большой вклад в боеспособность партизан внесли наши замечательные медики Блюмович Аврам, Орлинская Чеслава, Эфроим Саэт, которые в сложных условиях залечивали раны, оперировали, гасили эпидемии тифа...

...я всё делал, чтобы спасти жизни и сохранить достоинство евреев... Несмотря на сопротивление части партизан... мне удалось сохранить их в отряде и оградить от оскорблений и силовых выпадов...

Защищая евреев, я нередко рисковал жизнью, так как заядлые антисемиты намеревались меня физически уничтожить. Об этом мне сообщали Пилецкий Владимир Емельянович, Аветисян Артём Самсонович, Гаджаев Мурадин Шогаевич, которые меня охраняли от возможного теракта. Они же предотвратили попытки физического устранения

евреев, особенно при выполнении боевых заданий небольшими группами. Были случаи группового сговора партизан-антисемитов».

П. Пронягин в 1979 г. выпустил книгу воспоминаний «У самой границы», её семь раз перекраивали по требованию властей: убрать евреев и их подвиги. В главе «Даёшь Коссово» ничего о спасении гетто. Доктора Аврама Блюмовича - спасителя сотен партизан, сколько ни бился автор, не дали даже упомянуть. «Мне читать книгу совестно», - говорил Пронягин. Он не отказался её печатать, чтобы хоть какую-нибудь память об отряде сохранить. В 1994 г., обрадовавшись новым временам, Павел Пронягин хотел, как пишет журналистка Э. Максимова, *«снять груз с души, переделать книгу. И опять ему сказали: куда столько о евреях?..»* [«Известия», 01.03.1995].

По-прежнему «жид от пули бежит». Даже Исай Казинец, руководитель Минского коммунистического подполья, казнённый немцами, тот, кто после долгих лет замалчивания поставлен в ряды белорусских подвижников и посмертно увенчан Золотой Звездой Героя - о нём в печати лишь в последнее время и лишь 1-2 раза упомянуто, что еврей. То же положение было с героическим руководителем коммунистов гетто Михаилом Гебелевым, после пыток в гестапо повешенным немцами в августе 1942 г. – только в 1965 г. его наградили и только орденом Отечественной войны 2-й степени.

Молоденькая минская подпольщица за помощь побегу советских офицеров из немецкого плена

была публично повешена вместе с двумя подпольщиками. На груди у казнённых висели доски «Мы партизаны». Немецкая фотография казни попала в советские руки после освобождения Минска и стала в прессе и в музеях общеупотребительным воплощением героизма белорусских партизан и подпольщиков. Особенно выразительна была девушка. В подписях к фотографии именовали мужчин: Володя Щербацевич и Кирилл Трус, а девушку - «неизвестная». Её в Минске быстро опознали: Маша, Мария Борисовна Брускина, 17-летняя еврейка, но она и спустя полвека после войны обозначалась в белорусской пропаганде как «неизвестная».

Во Второй мировой участвовало 434 тысячи советских евреев. Таковы данные российского Института Военной истории, их приводит Александр Солженицын - значительнейший сегодня русский писатель, взбудораженный еврейской темой. Он пишет по поводу «евреи не воевали»: *«Вопреки расхожему представлению, число евреев в Красной Армии в годы великой Отечественной войны было пропорционально численности еврейского населения, способного поставлять солдат; пропорция евреев-участников войны в целом соответствует средней по стране»* [19, 363-4]. И тут же выясняет, что евреи, однако, воевали не вполне пристойно, далеко от «смертной передовой»: много было среди них врачей, интендантов, журналистов, артистов – *«Под слово «фронтовик» кто только не самоподгонялся»*. Сославшись на национальный состав двухсот стрелковых дивизий, где в 1944 г. евреев насчитывалось 1,14% при их

доле в населении СССР 1,78%, строгий Солженицын находит недостаточным их количество среди пехотинцев, массово погибавших на передовой [19, 367]. Поэт Борис Слуцкий, фронтовик-пехотинец, задолго до Солженицына замечал в своих «Записках» вроде бы с ним едино: *«В пехоте евреев было мало. Причины: первая - их высокий образовательный ценз, вторая – с 1943 года в пехоту шли главным образом крестьяне из освобождённых от немцев областей, где евреи были полностью истреблены»*. Но по разным данным в годы войны в Красной Армии около трети евреев-фронтовиков служило в пехоте (а с артиллеристами, сапёрами и связистами примерно 40 процентов) и среди евреев-Героев Советского Союза пехотинцев та же доля. Один из них, лейтенант Иосиф Бумагин в 1944 г., подобно Александру Матросову в 1943 г., закрыл в бою своим телом стреляющий немецкий пулемёт. Другие, для примера, Герои: младший лейтенант Абрам Зиндельс в 1943 г. в бою за Мелитополь, окружённый немецкими солдатами, гранатой подорвал себя вместе с ними; 19-летний ефрейтор Михаил Очерет в феврале 1945 г. возле Одера остановил атакующую танковую колонну немцев, бросившись с гранатами под передовой танк [2, 106, 130-1]. И среди 12 евреев, заслуживших полный набор солдатских орденов Славы (почитаемый наравне с Золотой Звездой Героя Советского Союза) пехотинцев было четверо, треть, более солдат других родов войск (3 артиллериста, 2 сапёра, 2 связиста, 1 танкист). Вот один из той четвёрки – Семён Меерович Бурман, он ещё до орденов Славы был отмечен орденом Красной звезды и тяжёлым ранением, после которого вернулся на фронт. И за 8 месяцев: в сентя-

бре 1944 г. под Варшавой в бою убил 18 немцев – получил орден Славы 3-й степени; в феврале 1945 г. в Германии расстрелял из пулемёта в упор больше пятидесяти атакующих его гитлеровцев – заслужил Славу 2-й степени; в марте, возглавив после ранения командира взвод, переправился с ним через Одер и удерживал позицию до подхода своих, убил в бою 57 немцев, был ранен, но остался в строю и довоевал до победного мая 1945 года, когда и получил золотой орден Славы 1-й степени.

Солженицын для «объективности» приводит несколько подобных героических биографий евреев-разведчиков. Но *«на отдельных примерах – ни в ту, ни в другую сторону – ничего не строится. А надёжной статистики – нет...»* [19, 368]. Так ли уж нет? А звания Героев Советского Союза давали за отсиживание в тыловых порядках? Так ведь на каждые 100 тысяч евреев приходится 6,83 Героев, у евреев второе место после русских (7,66). Это согласно данным Министерства обороны Российской Федерации [20, 11-12]. Из той статистики насчиталось, что по завоёванным в войну боевым наградам евреи вообще на первом месте: на 100 тысяч 7 тысяч награждённых, на втором месте русские, 5415 – отрыв впечатляет. Но эти отрядные для еврейского сердца расчёты уже давно стали известны (со времени моей беседы в Антисионистском комитете прошло почти два десятилетия) и скучно к ним возвращаться.

Солженицын пишет: *«Самобережливость и осторожность у евреев сквозь всю историю рассеяния, да, - но той же историей и объясняются... А в Шестидневную и другие войны Израиля – они доказали своё выдающееся военное мужество»*, - бла-

городно от щедрости душевной отвешивает автор в конце комплимент. Но заноят память читателя не эти слова, а «самобережливость и осторожность у евреев» [19, 367].

Другой автор, Виктор Астафьев, уже не претендуя подобно Солженицыну на историческое исследование, а просто будучи живым свидетелем войны с цепким глазом и замечательным писательским мастерством, в романе «Прокляты и убиты» среди разнонациональных участников боёв Великой Отечественной евреев как-то почти не замечает, но вырисовывает некий омерзительный персонаж – поллитработник, прячущийся от опасностей – ловко, хитро проводит его автор сквозь весь роман, именуя нейтральной фамилией «Мусенок», а в конце книги вдруг и как бы невзначай пропечатывает его имя-отчество «Лазарь Исакович» - ну, наконец, проясняется: трус, гад...

Бой. Свирепый, рукопашный... Дыбом земля – взрывы. Корчи фашиста на красноармейском штыке... Трупы... Немецкие, конечно. А русские в атаке,

в порыве неудержимом, победном. Впереди – герой: лоб перевязан, кровь на бинте, в одной руке пистолет, в другой граната, в глазах святая свирепость, он по-сибирски скуласт, по-татарски узкоглаз, через плечо на отлёте – командирская планшетка, в ней газета, название крупно: «ПРАВДА».

Это война на картинке, на почтовой открытке, такими советская пропаганда подстёгивала своих солдат. Открытка подписана «Подвиг политрука Мандрусова», она приложена к присланному в Яд Вашем Листу на погибшего Мондрусова Айзика Нахимовича, еврея из украинских Прилук. Кто бы подумал?.. На открытке под рисунком при фамилии овосточенной (а вместо о) даже инициалов не написано.

Автор открытки мог бы срисовать героя и с другого реального политрука майора Якова Чапичева, который в ходе уличных боёв в городе-крепости Бреслау взял на себя командование солдатами, штурмующими трёхэтажный дом, и гранатами забросал гитлеровцев на первом этаже, а прорвавшись на второй этаж, погиб. Я. Чапичева посмертно наградили Золотой Звездой Героя [2, 131].

Солженицын и Астафьев – два популярнейших правдолюбца, русские писатели, два сеятеля «разумного, доброго, вечного» - вечного «Жид от пули бежит».

А если он рад сбежать не от, а наоборот под пулю, из гетто в партизаны, - что его там ждёт? Ни крестьянам окрестным, ни партизанам жид на́ дух не нужен.

Из Листов Яд Вашем:

Итунин Элик, 22 года, работник райкома комсомола, г. Смоленск, находясь в гетто, собрал группу молодых людей, примерно 14-16 человек. Они сумели уйти из гетто через подкоп и после долгих блужданий и страданий вышли в расположение Советской Армии, но были расстреляны как предатели. Вот такая грустная история.

Из донесения партизанского командира В. Карпова 17 ноября 1942 г. партийному руководству Вилейской области (Белоруссия): *«Еврейское население подвергается террору. Безоружные, они бродят по лесам, просят питание и одежду у местных крестьян... Партизанские отряды им не помогают и без желания принимают в свои ряды еврейскую молодёжь... Антисемитизм в партизанской среде довольно сильный» [2, 333].*

Часто условием приёма в партизаны было наличие у беглецов оружия. Но израильский исследователь Леонид Смиловицкий приводит не один случай, когда белорусские партизаны изгоняли пришедших к ним из гетто вооружённых евреев. При этом, бывало, и оружие отбирали и одежду мало-мальски ценную [21, 149-150]. Моше Калхайм, партизан еврейского отряда «Мечь» в Белоруссии описал обстоятельства роспуска отряда и включения его бойцов в другой отряд, белорусский, под командованием Владимира Саулóвича: *«Центральный штаб партизанского движения решил расформировать еврейский отряд “Мечь”, так как у советских партизан нет места для отдельной национальной еврейской группы... Володька (Саулóвич) разделил партизан на евреев и неевреев, и он с помощниками разоружили ев-*

рейских партизан и передали это оружие неевреям, которые, как и мы, только недавно пришли в лес из окрестных местечек... Более того, Володька по одному “приглашал” в свою землянку партизан – евреев и силой заставлял снимать часы и золотые кольца, а также кожаные и меховые пальто, утверждая, что все это требуется на нужды партизанского движения. На следующий день мы увидели, что члены штаба и некоторые партизаны носят снятые с евреев часы, кольца, кожаные и меховые пальто» [2, 340].

В 1943 г. командующий советскими партизанами Литвы Генрикас Зиманас (Юргис) приказал не принимать в их ряды евреев из Вильнюса, приходящих в лес без оружия. И. Арад: «Это был серьезный удар по делу спасения евреев... Зиманас не аргументировал свое распоряжение, однако логично предположить нежелание советского литовского партизанского движения допустить, чтобы большинство его членов были евреями. Число примкнувших к партизанам литовцев из местного населения было тогда очень невелико. Рост количества евреев среди партизан и идентификация этого движения как еврейского усиливали отрицательное отношение к нему местных жителей. Хотя справедливости ради надо заметить, что увеличение количества безоружных людей отягощало положение в партизанских отрядах» [2, 345].

Ухмылки судьбы: Г. Зиманас был евреем и правоверным коммунистом, в 1949-1962 гг. входил в руководство Центрального комитета литовской компартии, на этом посту, сколько мог, противостоял советскому антисеми-

тизму: от поддержки еврейских попыток сохранить свою культуру и до облегчения выезда евреев в эмиграцию.

А также состоял Зиманас в Антисионистском Комитете Д. Драгунского. Из песни слов не выкинешь.

Между тысяч ядвашемовских Листов на евреев-партизан попадают удивительные описания гибели, взятые, судя по казённости слов, из официальных документов. *«Мазуркевич Исаак, расстрелян как изменник Родины», «Кеслер Израиль, расстрелян за мародёрство, бандитизм и неоднократное непослушание», «Елиакова Хая, 1920 г.р., расстреляна за бытовое разложение и заражение венерич. заболеваниями».* Какие Достоевские страсти за этими строками, где правда, где поклёп, прикрывающий антисемитскую расправу, – кто теперь разберёт? Но вот запись того же автора Листов, Альберта Майзеля, партизанившего вместе с погибшими: *«Фарбер Антон, убит без причины бывш. нач. штаба Шишовым»* - она вопросов не вызывает. Так часто привечали евреев лесные соратники. В 2008 г. в белорусском журнале появилось признание белорусского партизана-командира, что он приказал убить 20 евреев-партизан после выполнения ими боевого задания [22, 190].

Гетто, лес... Куда ни кинь – всюду клин. Тем не менее партизанство манило надеждой, и евреи рвались рисковать. В Белоруссии среди партизан воевало по разным подсчётам от 14 до 20 тыс. евреев, еврей Григорий Эйдинов был заместителем начальника республиканского партизанского штаба, еврей командовали бригадами (2 чел.), полками (2), отрядами (18), были комиссарами бригад (4) и отрядов

(49), начальниками штабов бригад (7) и отрядов (21) [22, 37, 72, 78].

Еврей-командир партизанского отряда Юрий Колесников (Хаим Гольдштейн) два раза представлялся к званию Героя Советского Союза (получил через полвека, в 1995 г.) [22, 72].

Традиционный советский интернационализм старался не подчёркивать наличие партизанских отрядов целиком или почти целиком еврейских. А их в Белоруссии насчитывалось от 14 до 16 [22, 67, 74]. Известнейшие: 106 отряд Семёна (Шломо) Зорина (596 чел, в том числе 140 бойцов) и братьев Бельских, где командир Тувья Бельский, кажется, единственный во всей Европе первой своей боевой задачей ставил не уничтожение немцев, а спасение евреев, и потому у него в отряде на триста с лишним бойцов приходилась почти 1000 человек с 60 детьми – семейный лагерь с производством, обслуживавшим окрестных партизан, со школой, баней, тюрьмой и даже кладбищем [22, 127].

Знаменитый белорусский партизанский командир Герой Советского Союза (позднее ещё и Герой Социалистического труда) Кирилл Орловский вспоминал о войне: *«Организовал я отряд имени Кирова исключительно из евреев, убежавших от гитлеровского расстрела. ...все окружавшие нас партизанские отряды... отказывались от этих людей. Были случаи убийства их. «Партизаны»-антисемиты отряда Цыганкова убили 11 человек евреев, крестьяне деревни Раджаловичи убили 17 человек евреев, «партизаны» отряда им. Щорса убили 7 человек евреев... ...эти люди [евреи], желая мстить немецким извергам... за 2,5 месяца провели не менее 15 боевых*

операций, повседневно уничтожали телеграфно-телефонную связь противника, убивали гитлеровцев, полицейских и предателей... Постепенно они стали не только дисциплинированными, но и смелыми как в проведении диверсий, так и при ночных переходах...» [22, 70].

Владимир Шацман - житель Хайфы. В годы войны он попал в плен, бежал из лагеря, его спасали в польской Бяла-Подляске сначала в гетто евреи Лёва Лихтенбойм и Вурцель – мать с дочерью, потом в городе немец Бенедикт Красковский. Затем Шацман перебрался в гетто Кобрина, где был среди организаторов партизанской группы и командовал этой группой; позднее воевал в Пинском партизанском соединении. Эту биографическую цепочку я собрал из сведений, разбросанных по 39 Листам, которые В. Шацман прислал в Яд Вашем для увековечения памяти своих бывших сослуживцев. Из тех Листов:

Дубровский Борис, 35 лет, инженер. Был в числе организаторов партизанской группы из евреев Кобринского гетто, первый командир этой группы. Погиб в бою...

Саловский Михаил (Хеник), 24 года. В 1940 г. чемпион СССР по боксу. Один из организаторов Кобринской партизанской группы. В 1942 и до весны 1943 партизан отряда им. Н. Шиша. С весны 1943 один из организаторов еврейского партизанского отряда им. Кагановича. Погиб в 1944 г.

Бобров Давид, 35 лет, командир еврейского партизанского отряда им. Кагановича. Погиб в бою в 1944 году.

Померанец, 32 года, парикмахер отряда... Добивался направления на боевое задание, погиб при подрыве вражеского эшелона в 1943 г.

Из других Листов на бывших партизан:

Фельдман Григорий (Герш) Авнерович, 1910 г.р., Чернигов, оставлен был на подпольную работу в тылу врага... находился в партизанском отряде Фёдорова... пропал без вести.

Левин Миша, 16 лет, Белоруссия, погиб в партизанском отряде, в бою.

Тарнавский Мохт-Лейб, 79 лет, бондарь, Украина, погиб в партизанском отряде, в бою.

Гельпей Аким, 1909 г.р., руководитель партизанского отряда в Брянских лесах, повешен в 1943 г.

Левант Шолом, 16 лет и Хая, Смоленская область - брат и сестра, оба партизаны, он «погиб в бою», она «предана и убита в гестапо».

А если бежать в лес – это оставить семью без последней поддержки? Аба Ковнер, знаменитый израильский поэт и бывший руководитель Сопrotивления в Виленском гетто вспоминал, как он, уходя вместе с подпольщиками из гетто в лес к партизанам, не взял с собой просившуюся с ним мать: старуха не вынесла бы лесной жизни. Она осталась умирать в гетто. «Не знаю, - говорил Ковнер, - чего я заслуживаю больше: славы борца или клейма неверного сына».

Гетто, где верная гибель, могло оказаться подвигом бóльшим, чем лес с его шансом выжить. А люди остаются в гетто и там, балансируя на самом краю могилы, воюют безоружной рукой.

В Вильнюсском гетто в трёх школах и гимназии обучалось больше 2500 учеников. Десятки учителей занимались с голодными детьми, оберегая их в часы, когда родителей гоняли на работу. Ученики после очередного массового убийства писали сочинения на свободную тему: «Как я потерял семью». Девочка, бежавшая с места расстрела, писала работу «Как я спаслась». С каким сердцем учитель правил сочинение, подчёркивал ошибки?..

В этом большом гетто организовали библиотеку, читали лекции, создали театр. 16 января 1942 года после большой акции уничтожения состоялся концерт, на котором памяти павших читали стихи, звучал шопеновский траурный марш...

- Концерт на кладбище, - говорит, горько кривясь, один из бывших героев вооружённого Сопротивления. – Умилительно... Это ведь только видимость борьбы. Приспособление к смерти. А надо драться, убивать...

У этого человека своя правда: он, я знаю точно, бесстрашно дрался в подполье, и в партизанах, и ещё на фронте, он погибал, терял друзей... Но он неправ. Сколько подвижников, не круша врагов, даже не стреляя, вели свой смертный бой!

Из документов Яд Вашем:

Лившиц Эсфир, 1918 г. р., г. Червень, Белоруссия, воспитательница детского дома. Успела вывести группу детей в лес. По доносу их вернули и расстреляли.

Гольдфарб Хаим-Шмуэль, 80 лет, г. Житомир. Фашисты устроили показательную расправу над моим дедушкой (отцом и дедушкой воинов Красной Армии). Его заставили танцевать без обуви

на разбитом стекле. Дедушка сказал фашистам: «Вы все погибнете... а мои сыновья и внуки вернутся». И плюнул в лицо офицеру. В ответ немец изрешетил множеством выстрелов тело моего дедушки на куски. Это мне рассказали соседи, которых немцы заставили смотреть на казнь.

Шварцбургд Бинем, 1925 г.р., г. Житомир. Увидев, что немец тащит за бороду старика-еврея, Бинем бросился на мучителя – и был застрелен на месте, на улице.

Хабинская Рая, 1920 г.р., студентка. Приехала к родителям на лето в Иванково Киевской обл., попала в оккупацию. Её хотели спасти, кинули в подводу, забросали вещами и отправили в лес, но она вернулась и погибла вместе с родителями.

В Кишинёвском гетто заместитель руководителя адвокат Аврахам Шапиро, переодевшись румынским офицером, тайно пробрался в Бухарест в поисках защиты кишинёвцев у местных евреев. Ему предложили только личное спасение, он отказался и вернулся умирать вместе с земляками.

Как-то в интервью на радио известная журналистка, убеждённая сионистка и еврейка до мозга костей, человек тонкий и интеллигентный («Понимательная женщина» - определял таких когда-то мой знакомый алкаш) спросила меня: - Какова, по-вашему, отличительная черта поведения евреев в Шоа?

Я сказал: - Мужество.

Интервьюерша очень удивилась: и на неё давил миф о еврейской трусости.

А я ведь даже не имел в виду евреев с оружием в руках. Я вспомнил свидетельство о еврейской маме в очереди на казнь; её четырёхлетняя дочка спросила: «Этот дядя будет нас убивать?». Мамину душу в тот миг я имел в виду. Я имел в виду еврейскую бабушку, которая на краю расстрельной ямы говорила «гули-гули» младенцу на своих руках и *«ребёнок ворковал от удовольствия»* (показания немца-свидетеля). Это её, бабушку, нынче обвиняют в трусливой покорности, в том, что шла на казнь, «как овцы на бойню».

Восхитительна смелость судей, тычущих обвинительным перстом: «Ты почему умирал?.. Ты как умирал?» И часто: «Ты почему выжил, когда другие умерли?»

Алиса Плессер, одесситка, детства которой калечаще коснулось гетто Богдановки, на склоне лет оказалась в Австралии. Алиса Плессер рассказала мне быль.

Мельбурн, 1998 год. Она покупала автомобиль, разговорилась с торговцем. Пожилой вальяжный еврей в почти безмятежной беседе о войне и Холокосте вдруг взорвался: «Ненавижу их!» - «Кого, немцев?» - «Нет, тех, кто опозорил наш народ, кто шёл как овцы на бойню!» - «Вы сами-то где были в то время?» - «В Аргентине». - «А что бы вы сделали на месте убиваемых?» - «О, я бы так просто не дался! Я даже здесь... Вот на днях, на стадионе, на футболе, один мужчина плохо посмотрел на мою жену. Думаете, я терпел? Я пошёл к полицейскому, я сделал заявление - я протестовал. Нельзя покоряться!»

Это еврей, гордый и австралийский, несёт; что же говорить о неевреях - для них и вопроса нет: испокон века известна мелкота души, трепещущей в жидовской пятке.

Мне пришлось записывать сотни свидетельств неевреев – очевидцев еврейской Катастрофы на оккупированных территориях СССР. Они, случалось, оказывались среди убиваемых евреев или внутри гетто и видели...

...всякое видели. Они могли очутиться в теплушке, где трупы попеременно с живыми, и кто-то из живых, оправляясь, низвергает струю мочи на белую бороду умирающего старика. Они могли присутствовать при массовом изнасиловании полицаями евреек на виду у отцов и мужей, обессиленных даже не трусостью или долгим голодным изнурением, а присутствием других своих детей, которых надо было прикрыть от ужаса. Они могли видеть, как в еврейском бараке немец выливал на землю или пол похлёбку и хохотал, глядя, как голодные евреи ползали и вылизывали эту жидкость. А кто-то наблюдал в гетто лощёного немецкого офицера, который подзывал к себе приглянувшуюся пятилетнюю девочку, показывал ей конфетку, велел закрыть глаза и открыть рот – и стрелял из пистолета в этот рот. И смеялся. И хохотала тут же тронувшаяся умом девочка мать.

Насмотревшись этих ужасов, от которых жертвы теряли всякое желание жить и смерть являлась избавлением, наслышавшись, как почтенный раввин говорил окружающим евреям, что муки и смерть надо принять с покорностью как заслуженную кару за грехи – зная всё это и сочувствуя казнимым (а ненавистники евреев со мной не говорили – им жиды по́ фигу), свидетели тем не менее искренне сокрушались: а почему евреи не сопротивлялись? почему покорно брели на расстрел? почему, когда охраны

был десяток полицаев на сотни гонимых в колонне, никто из них не бросился на конвойных или хотя бы не пытался бежать?

И свидетели называли евреев трусливыми и не задумывались над тем, что речь идёт о немощных людях, потому что среди убиваемых советских евреев боеспособных мужчин почти не было – их призывали на фронт или вывезли с заводами в эвакуацию.

Свидетели припоминали и бредущие сквозь их деревни и города бесконечные толпы советских военнопленных тоже под ничтожной охраной (полицаев, а случалось, что даже кого-то из самих же военнопленных, вооружённых палкой), но никто не кинулся ни на охрану, ни бежать – и к ним претензий свидетели не имели: что взять с безоружного, изнурённого голодом человека?! Двадцатилетних этих парней не попрекали, обвиняющий перст тыкал в еврейскую бабушку.

До сих пор обвинения не смолкают: почему евреи не защищались? Почему на фронте могли сражаться храбро, а здесь ложились в могилы покорно? Забывается, что окопная смерть на виду – совсем не то, что одиночное сопротивление.

Которое евреи, несмотря ни на что, являли.

Из документов Яд Вашем:

Рабинович Лейб, 1911 г.р., г. Чернигов, нач. складов. Перед захватом немцами Чернигова группе из четырёх человек, которой руководил мой дедушка Лейб Рабинович, было дано задание взорвать склады горюче-смазочных материалов. После этого в лес, на базу партизан уйти они не успели, и им пришлось спрятаться в селе Подусовка у знакомых. На следующий день об этом стало известно фашистам.

Первая попытка захватить группу была отбита. После их начали травить газом, и им пришлось сдаться. После продолжительных допросов и пыток они были расстреляны. У троих на груди была табличка «партизан», у дедушки табличка «жид».

Вейцман Янкель, 1892 г.р., Красная Слобода, Белоруссия, служащий... Во время массового расстрела евреев после того, как его жена с маленькими детьми были выведены из дома в колонну обречённых, он успел подняться на чердак и поджёг соломенную крышу своего дома. Полиция и немцы не сумели его достать. Он сгорел вместе с домом.

И. Сельцер (свидетельство): «Евреи из Думбровенского лагеря были почти догола раздеты... Глубоких стариков, с длинными бородами, почти раздетых, заставили петь и танцевать...

...Руководителем и исполнителем этих издевательств был румынский молодой парень Афодее... Картина издевательств над стариками вывела меня из себя, я схватил этого румына и стал его бить, никто меня не удержал. Я был в женской одежде. Был я сильным ещё тогда и успел, избив Афодю и набросив на себя женскую шаль, спрятаться».

М. Краснокуцкая (свидетельство из Акта ЧГК – советской Чрезвычайной Государственной комиссии по расследованию немецко-фашистских преступлений - от 11.04.1945, г. Речица, Белоруссия): «13 апреля 1943 года был арестован Краснокуцкий Михаил Григорьевич, его систематически подвергали избиванию резиновыми палками. После восьминедельного тюремного заключения мне пришлось его видеть, он был не человек, а живой труп, совершенно глухой. 2-го июня 1943 года немцы повезли его за 12 кило-

метров от гор. Речицы и заставили разминировать железную дорогу. Вынувши мину, он подозвал к себе начальника СД [немецкая служба безопасности], переводчика и его окружила немецкая охрана, бросивши под ноги им мину взрывом которой были убиты начальник СД и охранник, переводчик тяжело ранен. Сам КРАШНОКУЦКИЙ был тяжело ранен и пристрелен немцами».

А на оккупированных землях многие гетто, ощепившиеся кто вооружённой борьбой, кто «пассивным» противодействием, часто не менее самоотверженным, а смертники в схватках над могильным обрывом? Это тоже война евреев, удивительная при их тогдашнем положении. Вражда большинства коренного населения; почти полное отсутствие союзников, а значит, ни поддержки материальной, ни даже моральной; разобщённость внутри самих евреев (социалисты, коммунисты, сионисты, ортодоксы, либералы, экстремисты - групп несчётно); обманная пропаганда нацистов; малочисленность боеспособных мужчин; условия существования-умирания в голоде до безумия, в труде до бессилия, в полшаге от расстрела; истребительная система коллективного наказания евреев, намертво вязавшая руки активистам борьбы – и во всей той беспросветности распрямиться воевать?

Давно известна вооружённая борьба евреев в европейском сопротивлении, в польских гетто и лагерях смерти. Но то, что происходило на основном пространстве Шоа – оккупированной территории

СССР, лишь сейчас очутилось на слуху у историков.

Первое вооружённое еврейское подполье возникло именно на советских землях, прежде, чем где бы то ни было в оккупированной Европе. Здешние евреи первыми подверглись открытому уничтожению, первыми сообразили его всеохватность и поняли, что спастись можно только боем – восстаниями в гетто или партизанской войной в лесах.

И. Арад: *«Еврейское подполье, поставившее своей целью борьбу с врагом, действовало и в немецком тылу, и в глубине оккупированных территорий в то время, как вокруг полным ходом работала гитлеровская машина уничтожения. Подполья появились и в больших гетто Вильнюса и Минска, и в маленьких гетто Лахвы, Швенчёниса и т.д.*

Подполье действовало в экстремальных условиях, намного более тяжёлых, чем те, в которых находилось нееврейское подполье в захваченных странах Европы. В закрытых и охраняемых гетто без всякой помощи извне добывалось, хоть и в ограниченных количествах, оружие. У подполья сложно выстраивались взаимоотношения с юденратами [еврейское руководство гетто] и обитателями гетто...» [2, 425].

В одной лишь Белоруссии с немцами воевали около 13500 членов еврейских подпольных организаций сопротивления [22, 44]. В июле-декабре 1942 г. в десятках гетто и населённых пунктов Украины и Белоруссии (Кременце, Тучине, Мизоче, Луцке, Слониме, Клёцке, Несвиже, Мире, Копыле и в других местах) поднялись на бой евреи, имея ничтожное количество огнестрельного оружия. А случилось и вовсе без него, хватаясь, за что придётся.

В белорусском местечке Лахва 3 сентября 1942 г. во время уничтожения гетто евреи восстали, не имея ни одной единицы огнестрельного оружия; они поджигали свои дома, с топорами и ножами бросались на немцев, одного зарубили. Бунт возглавил глава гетто Берл Лопатин, поджегший дом юденрата. Сотни узников сумели бежать из гетто. После преследования и уничтожения большинства свыше сотни беглецов добрались до леса. Среди спасшихся был Лопатин, он в партизанах ещё полтора года храбро воевал подрывником, пока не погиб при взрыве собственной мины [13, 31-45]. Все эти первые восстания в еврейских гетто произошли до первого боя евреев с немцами в Варшавском гетто.

В захваченной немцами части СССР, казалось бы, ничего не способствовало подпольной борьбе: во многих местах мужчины были мобилизованы на фронт или эвакуированы с предприятиями; истребление евреев происходило немедленно – опомниться некогда было евреям, не то, что организовать для боевого сопротивления, сколотить единомышленников, найти оружие. В западных областях, менее двух лет назад захваченных большевиками, они разогнали наиболее активную часть еврейской молодёжи – сионистов, разрушили всю прежнюю организацию общинной жизни, так что и отпор оккупантам творить оказалось вроде бы некому. Однако нашлись коммунисты – люди, нацеленные сражаться, поощряемые большевистской идеологией борьбы, побуждаемые партийными приказами и комиссарским сознанием долга. Часто их намеренно оставляли для подпольной борьбы в немецком тылу, даже не соображая, что подпольщик с еврейским

носом – открытая мишень для нацистов и земляков-юдофобов. Но обречённые носатые были готовы на смерть и на бой.

Воевать пришлось на редкость трудно: подпольщики в еврейских гетто никакого пособия извне не получали – не было у них, как у советских партизан, ни опекающей «Большой земли», ни действенной поддержки местного населения, не было у евреев союзников в инациональном (польском, украинском и т.п.) антинацистском подполье, кто бы помог если не соучастием в бою, то хотя бы оружием, или деньгами на его покупку, или укрытием беглецов из гетто, или переправкой их в лес. Существовала и внутри гетто проблема: большинство узников было против подпольщиков, боялось немецкой реакции на сопротивление, свирепой, губительной для всего гетто. Не раз подпольщикам приходилось самоотверженно отказываться от борьбы ради бес сильного большинства узников.

И коммунистов часто не слишком любили в гетто. Но всё же именно они, как правило, зачинали еврейское сопротивление на оккупированной советской территории. И в гетто, и вне его.

В Минском поначалу 80-тысячном гетто уже через три недели после его создания в июле 1941 г. коммунисты Григорий (Гирш) Смоляр, Наум Фельдман, героический Михаил Гебелев стали организовывать вооружённое подполье – через несколько месяцев набралось больше 300 человек. Они обзавелись типографией для выпуска листовок, радиоприёмником, оружием, которое воровали из складов немецких трофеев, где работали подпольщики. В сентябре 1941 г. подпольщики наладили контакты с только

что возникшими партизанскими отрядами, что дало возможность уже в ноябре 1941 г. начать вывод евреев в леса для борьбы в рядах партизан.

В конце ноября подполье гетто связалось с городским коммунистическим подпольем (его возглавлял опять же еврей Исай Казинец, выдававший себя за татарина) и стало частью городской организации сопротивления, которой была передана тайная типография гетто для пропагандистской работы в Минске. Городскому подполью стали помогать и некоторые члены юденрата гетто, включая его руководителя Илью Мушкина и начальника еврейской полиции Зиновия Серебрянского.

Контакты подпольщиков гетто с городским подпольем и с партизанами позволили наладить самый большой в сравнении с другими гетто поток евреев в леса – вышло 5 тысяч человек. Эта многочисленность спасшихся имела однако и обратную сторону.

Из Листов Яд Вашем:

Мазо Борис, 1894 г., механик. Не успел уехать из г. Минска и погиб в гетто. Он с друзьями пытался уйти к партизанам, но тогда Пономаренко издал приказ, чтобы евреев в партизаны не принимать. И вот когда они пришли к партизанам, его и друзей не приняли и им пришлось вернуться в гетто. И там его убили.

В ноябре 1942 г. начальник Центрального штаба партизанского движения Пантелеймон Пономаренко, основываясь на данных советских спецслужб, предупредил партизан Минской области, что среди людей, приходящих в лес из Минского подполья могут оказаться немецкие агенты. Пономаренко не упоминал слово “еврей”, однако большинство пар-

тизанских командиров включило в круг подозреваемых беженцев из гетто. (За Пономаренко устойчивая слава юдофоба, и его указание легко счесть антисемитским, но надо бы принять во внимание, что фактом были и попытки немцев завербовать евреев в лазутчики к партизанам, и шпиономания, характерная для сталинских руководителей).

И. Арад привёл свидетельство Григория Смоляра, члена партизанского штаба одного из отрядов: *«У реки Неман лежали несколько расстрелянных евреек... Их убили “свои”, партизаны... В бункере штаба я спросил: кто застрелил евреек, бежавших от нацистских убийц? Ответил представитель белорусского штаба партизанского движения Владимир Царюк: “Мы получили секретное предупреждение о том, что гестапо завербовало группу женщин с целью отравить партизанские суповые котлы. Идет война, ничего не поделаешь...”* [2, 327].

Весной 1942 г. немцы выследили и разгромили Минское городское подполье. Исай Казинец был повешен. На допросах городских подпольщиков выявились их связи с Мушкиным и Серебрянским. Обоих немцы казнили.

Сотрудничество с подпольем гетто его руководителей и еврейской полиции было для этих людей особо опасным. Но они рисковали и погибали.

Подпольщики гетто Каунаса, 500 человек, неустанно выводили евреев в леса, на партизанскую борьбу. Работники гетто им способствовали: одеждой, транспортом, документами – руководил глава гетто д-р Эльханан Элькес, провозгласивший: *«Если даже лишь несколько десятков или сотен молодых евреев сумеют вооружёнными выйти из гетто и*

воевать, это станет подвигом чести для всего еврейского народа». В марте 1944 г. в Девятом форте Каунаса после пыток расстреляли 40 командиров еврейской полиции, включая её начальника Моше Левина, за отказ выдать немцам сведения о еврейском подполье и об убежищах евреев во время облав в гетто.

В подполье Барановичского гетто входили 15 из 22 полицейских гетто вместе с их начальником Варшавским, ключевой фигурой среди подпольщиков.

В Риге после массового убийства евреев в конце 1941 г. остались 4000 мужчин. Здесь коммунисты вовлекли сионистов в боевое подполье, оно разрослось до 150 человек, 28 из них служили в еврейской полиции гетто, насчитывавшей 42 человека. Подпольщики запаслись оружием, в основном, ворованным, связались с группой скрывавшихся в Риге бывших военнопленных (ими командовал еврей лейтенант Борис Писманов) и вместе с ними отправили из гетто в лес к партизанам десять человек с оружием, но их перехватили немцы. За эту попытку побега немцы убили 108 жителей гетто, включая всех 42-х еврейских полицейских как пособников беглецам.

Во Львовском гетто подпольщиков было мало и вооружены они были слабо – что-то удалось своровать, что-то купить у итальянских солдат. Но и львовяне, из которых почти никому не удалось бежать из гетто в леса, при окончательной ликвидации гетто 30 июня 1943 г. стреляли и ранили несколько немцев и полицаев. И. Арад приводит отчёт немцев о сопротивлении евреев: *«Во время акции возникли огромные затруднения... ..мы использовали наиболее суровые средства, чтобы подавить еврейский*

бандитизм... Некоторые здания взрывались или поджигались» [2, 298].

Наиболее сильным было подполье Вильнюсского гетто - Объединённая партизанская организация, ОПО. Возглавленная коммунистом Ицхаком Виттенбергом, а после его гибели одним из молодых сионистских лидеров Абой Ковнером, ОПО сумела сплотить 500 евреев самых разных политических направлений, а также «беспартийных» евреев и бывших военных – редкий случай еврейского единения.

ОПО установила связи с подпольщиками других гетто – отчаянные еврейские девушки, малонадёжно защищённые «арийской» внешностью, пробирались из города в город, большинство их погибло в немецких застенках и в вооружённых схватках (Тамара Шнейдерман, Белла Хазан, Тося Альтман, Ленка Козибродская, ещё многие).

ОПО пыталось взаимодействовать и с разными антинацистскими группами в Вильнюсе (поляки, литовцы), и с советскими партизанами в лесу – иногда успешно, иногда нет. Подпольщики гетто вооружались, готовясь к боям внутри гетто (так произошло в ходе немецких облав 1 сентября 1943 г.) или среди партизан в лесах, куда они выводили десятки узников гетто (зачастую при пособничестве руководителя гетто Якова Генса, его за это казнили немцы). 23 сентября 1943 г. немцы прикончили гетто, и в тот день из него вышла через канализацию последняя группа узников.

Бой внутри гетто и уход к партизанам - две задачи еврейского подполья, которые стояли и в других гетто. Часто этому сопротивлялись узники гетто,

опасавшиеся немецкой мести. Руководитель гетто Лиды (Белоруссия) Гальперштейн объяснял местному подпольщику: *«Если у нас ещё есть какая-либо мечта, - так это мечта, что некоторые из нас останутся в живых, и поверь мне, я сам не надеюсь оказаться среди этих немногих. Дай бог кому-нибудь сохраниться, чтобы рассказать, когда наступит день, о том, что здесь происходит... И тут приходит к тебе человек, который уже потерял свою семью и отчий дом и у которого осталась только одна вещь – «ржавая винтовка». И вот в один из дней он встанет и вдруг извергнет «пиф-паф» из своего ружья и таким образом похоронит также единственный шанс»* [2, 282-3].

На Украине и в Белоруссии в 94 населённых пунктах евреи организовали вооружённое сопротивление – так пишет Григорий Розенблат [24, 44]. Другой автор Альберт Майзель насчитывает только в Белоруссии 140 случаев активного противодействия в гетто [21, 134]. Илья Альтман, ссылаясь на работы израильского исследователя Шолома Холавского, говорит, что в Западной Белоруссии и в районе Вильнюса подпольные группы сопротивления возникли в 64 гетто из 103 и было в тех группах 4000 молодых евреев [25, 325-6]. А сколько не выявлено, не замечено?

В ноябре 1941 г. гестапо раскрыло тайную коммунистическую организацию сопротивления в Могилёве – из 55 арестованных 22 еврея, они «действовали с фантастическим воодушевлением» по словам немецкого отчёта. В другом отчёте, от 15 сентября 1942 г., говорится об аресте диверсионной группы в Бердичеве, её командир – еврей.

По сообщению рижской газеты «Тевья» 24 августа 1944 г. немцы вели на улице Пельдус бой с вооружённой группой евреев из 6 мужчин и одной женщины. При перестрелке двух евреев убили, остальных арестовали вместе с остальными жильцами дома.

В Одессе в 1942 г. казнили за диверсионную деятельность 12 подпольщиков группы Молодцова, среди них 8 евреев.

Исследователи еврейского сопротивления указывают разные количества евреев-партизан на оккупированных территориях Советского Союза: И. Арад 17400-20000 [26, 760], И. Альтман 17500 [25, 372] и Г. Розенблат 35000-40000 [24, 44]. Упомянувшийся выше командир всех советских партизан Пономаренко в частной беседе сказал: «Каждый десятый партизан Белоруссии был еврей» (а в опубликованных им послевоенных воспоминаниях о евреях ни слухом, ни духом, даже слова такого нет) [22, 64, 75].

Учёт бесспорно затруднён: евреи часто скрывали свою национальность и в войну, и после. Но в любом случае ясно, что речь идёт о десятках тысяч бойцов. И обидно, что главный в мире Мемориал Катастрофы, Израильский Яд Вашем не представил толком евреев-партизан. Ограничились двумя еврейскими партизанскими отрядами в Белоруссии, Семёна (Шломо) Зорина и братьев Бельских - и вправду героическими, но где в экспозиции те десятки тысяч?..

И. Арад: *«В рядах советских партизан воевали около 20 тысяч евреев, и многие тысячи находились в семейных лагерях в лесах, где действовали советские партизаны... Число евреев среди советских партизан составляло 6,7-8 процентов»* [2, 426].

Книгу свою о советских евреях во Второй мировой войне И. Арад подытоживает: *«Общее количество евреев, воевавших под красным знаменем, составляет 510-540 тыс. человек. ... В Великой Отечественной войне погибло 204-209 тысяч бойцов-евреев, то есть около 40% от общего количества евреев, состоявших в рядах армии и партизанского движения. Это самый высокий процент погибших среди всех народов СССР и других народов, участвовавших во Второй мировой войне»* [2, 426-7].

И. Арад упоминает в своей книге и евреев-военнопленных, действовавших в подпольных организациях лагерей военнопленных и особо отмечает массовый героизм еврейских женщин, воевавших на фронтах и среди советских партизан.

Веками оскоплялись души евреев, а вот поди ж ты, нетленным оказалось зерно мужества и как проросло в чёртовом этом двадцатом веке! Наверно, не случайно вождь румынских фашистов Ион Антонеску, обозлясь своими потерями под не поддающейся штурмам Одессой, писал брату 5 сентября 1941 г.: *«Война в целом, а бои за Одессу в частности, не оставили ни тени сомнения в том, что еврей – сатана... отсюда и наши тяжёлые потери. Если бы не еврейские комиссары, Одесса давно была бы в наших руках»*. (Ну, и слава богу. Может, «еврей-сатана» - оружие сдерживания?).

Тем не менее жид по-прежнему от боя бежит в сознании хоть простодушном, хоть многоучёном.

Старый анекдот: Российские солдаты учатся собрать-разобрать автомат. Иванов не умеет, Петров

не умеет, Сидоров не умеет, Рабинович справляется мгновенно. Прапорщик солдатам: «Берите пример с Рабиновича! Плохой солдат, а старается!»

Сегодня израильский историк Даниил Романовский, опросив многих белорусских евреев, переживших нацистскую оккупацию, отмечает, что большинство их, даже и те, что боролись в гетто и лесах, *«убеждены, что Катастрофа... – позорное событие в истории евреев... евреи были пассивны и погибли, не оказав никакого сопротивления своим палачам»*. И крупнейший американский историк Катастрофы Рауль Хилберг, в труде, считающемся классикой, писал о Катастрофе: *«Образ поведения евреев характеризуется почти полным отсутствием сопротивления»* [27, 97-8, 117].

В 1984 году во Франции сделали фильм о Сопротивлении «Террористы в отставке» - документальную ленту. В ней вопреки расхожей молве, обвиняющей в покорной гибели евреев-иммигрантов из Восточной Европы, выяснилось, что они воевали за Францию самоотверженней, чем презиравшие их коренные французские евреи («израэлиты») и чем сами французы. Французская телесеть показать фильм отказалась, США отважились только через 16 лет. Убедит ли он кого хоть сегодня?

Общее число евреев в европейском антинацистском Сопротивлении в экспозиции Яд Вашема не обозначено - не сосчитано, видимо. Г. Розенблат указал: до 50 тысяч [24, 44]. Может быть, еврейский автор, себе потрафляя, сколько-нибудь за-

высил цифру, но что точно: почти во всех странах Европы процент евреев-участников вооружённого Сопrotивления нацистам превышал показатель коренного населения. *«Это удивительный факт, если учесть, что евреям приходилось сталкиваться с большими трудностями и что у них отсутствовала современная воинская традиция»*, - пишет израильский историк Иегуда Бауэр. Он даже находит в этой повышенной боевитости евреев основание их будущих военных успехов в Палестине и Израиле [28, 283].

В 1967 году стоял я в городе Харькове у газетной витрины, читал новости о победе Израиля в Шестидневной войне. Рядом надутый дядька, пузо прёт из штанов, в руке авоська с каким-то продуктом, скрипнул зло и удивлённо: «Ты глянь, надо же, как жидаы воюют!». То уже не о жидях, то об израильтянах.

В 1970-е годы в Мемориале Яд Вашем решили повторить варшавский памятник бойцам гетто. Его автор, Натан Рапопорт, сказал: «Сделаю по старой модели, она сохранилась. Только хочу немного подправить». Варшавский памятник был поставлен в 1948 г. Спустя три десятилетия Рапопорт чуть коснулся фигур на памятнике: носы сделал эллинскими, приподнял подбородки – и прибавилось задора, воинственности. В обречённых галутных бунтарях проступила неуёмность предков – вот что подсказал скульптору Рапопорту опыт военных успехов Израиля.

Миллионы пленных солдат, военная косточка, молодые, способные поначалу на бой и на подвиг, потомки рыцарей и витязей, не отягощённых двухтысячелетним угнетением души – все перемололись в мясорубке немецких концлагерей почти безропотно. Только на исходе войны, в 1945-м, при приближении освобождающей американской армии поднялись на восстание узники Бухенвальда и Маутхаузена. А жалкие евреи в своих гетто и лагерях смерти восставали неоднократно, да не в конце войны, а из-под немцев, налитых ещё полной силой, - и в 1943 г. два крупнейших центра истребления евреев Трешлинка и Собибор после победных бунтов заключённых – вырубались полностью, кончились.

Казалось бы, в лагерях уничтожения, в их безвыходной чёрной прорве, с ходу засасывающей в газ и огонь прибывающих узников и оставляющей для краткого убийственного рабства немногих умельцев для обслуживания лагерных хозяев и механики истребления - этим, оставшимся, как бунтовать? Как сорганизоваться, как найти среди портных, парикмахеров и музыкантов людей, опытных в бою, как найти и довериться? Где взять оружие? А с оружием как одолеть надзирателей, охрану, вышки с пулемётами, колючую проволоку под током, окрестные минные поля? А вырвавшись, как уйти от погони? Всё не под силу узнику, скрученному в полуживотное или в полутруп, но вот:

Освенцим - 22 июля 1944 г. 435 греческих евреев убиты за отказ обслуживать газовые камеры; 7 октября 1944 г. узники, работавшие при крематориях, подняли восстание, один из крематориев был взорван, все восставшие перебиты;

Треблинка - 2 августа 1943 г. восстали 700 узников, 150-200 сумели бежать, выжило 12; лагерь прекратил своё существование;

Собибор - 14 октября 1943 г. этот центр истребления также прикончило восстание заключённых.

Александр Печерский – до войны заводила из художественной самодеятельности, народ по клубам собственной музыкой веселил, «массовик-затейник» называлось или иначе «культурработник». Из Ростова на Дону. Два с половиной года войны его мотало по лагерям военнопленных. Пережил тиф. Бежал многократно.

– У нас одежда была своя, не полосатая, поэтому меня ловили не как беглеца, а вроде в первый раз, и не били, просто в новый лагерь кидали, – объяснял мне Печерский спустя сорок лет.

– Как вы выжили? – спросил я его.

– Воровал, – весело сверкнул чёрным глазом грузный, плохо слышащий диабетик. – Крал еду. И ещё: всегда шёл на физическую работу, чтобы быть в форме, и кормят получше.

Мы разговаривали у него дома, посреди города Ростова, заставленного будёнными какими-то памятниками, облепленного геройскими именами на уличных табличках, а Печерского тогда знали от силы несколько школ, где его допускали выступить перед учениками. Заграницей, правда, у него слава сложилась, даже фильм соорудили, но чересчур художественный, по голливудским меркам, – Печерский морщился брезгливо: – Я там главный герой, во-о-от такой огромный герой. Я вскакиваю на стол,

что ли, кричу вроде «К оружию!» или «На штурм!», и все бросаются на немцев. Красиво!.. Бегут красиво, падают красиво, особенно эсэсовцы, и мы побеждаем. Ну, вы представляете, какие там лозунги под стволами пулемётов! Ничего этого не было... Договорились заранее, и каждый своё делал. Что-то, конечно, напуталось, не туда бежали, суматоха – ну, нормально, жизнь не кино... И убили-то всего двух эсэсовских офицеров.

Мы сидели за столом, щедро накрытым: дефицитная по тем 1980-м годам копчёная колбаса, печенье нездешнее, апельсины – хозяйка уговаривает не стесняться, всё свежее, только-только получили «заказ», положено как ветеранам войны, каждый месяц по два кило мяса, чай, масло, сыр... «Вполне достаточно, – это Печерский говорит, а жена его мягко уточняет: – Ну, как достаточно? Есть ещё дочка с семьёй, надо им подбросить. Но в общем, ничего, хорошо»...

На стене картина в рамке, старательно сделано: синева неба – так синяя, желтизна пустыни – так жёлтая, тигр полосат и рыж, никаких полутонов, переходов – честное рисование. Под тигром, привалясь к пухлой спинке старомодного дивана, хозяин продолжает рассказывать о восстании в лагере смерти Собибор.

– Всё связывается со мной, я и вправду командовал тогда, но главная заслуга не моя, одного из Польши, Леон Фельдгандлер его звали, он руководил подпольем и всё организовал, я почти на готовое пришёл... А что восстание получилось, так благодаря чему? Благодаря эсэсовской жадности и точности. Дармовой мундир от хорошего портного хоте-

лось получить, и шли на примерку точно по часам, тут их и убивали.

Скромничает Александр Печерский. Жизнь лагерников коротка, не поспевал подпольный комитет сплотить в боевую единицу бессильно-штатских портных и парикмахеров. Запалом мятежа попала в лагерь группа советских военнопленных, умелобоевых, среди них отчаянный «Сашко-ростовчанин» – дело и завертелось. Всего через три недели после прибытия русских в лагерь Печерский поднял шестьсот смертников на почти безнадёжный бой, голыми руками против пулемётов и колючей проволоки, и шестьдесят прорвались к жизни, и лагерь-убийца сдох навсегда, и было это не в победном сорок пятом году, когда на подходе гремели выручающие танки союзных армий, а в глухой глубине войны, в октябре сорок третьего, подмоги не докричаться, да и кому нужны бежавшие евреи? Фельдгандлера, например, после побега убили поляки...

– Мы, советские, человек десять, добрались до нашего партизанского соединения. Командир отряда, поляк, нас прогнал: «Мне в отряде евреев не надо». Я ребят в другие отряды пристроил, а сам к этому поляку вернулся – у меня характер такой... И чтобы видели, как евреи воюют, я пошёл в диверсионную группу, два эшелона подорвал. Когда с армией советской соединились, нас, бывших пленных офицеров, отделили, месяца два проверяли, кого в штрафбат [штрафной батальон], кого в штурмовые части, до первой крови. Меня в первом же бою ранило тяжело, и тогда мне звание вернули, старший лейтенант. В госпиталях войну и закончил. Офицером, и не посадили – повезло, в общем. В госпитале под Мо-

ской, в Раменском, я ещё сестричку прихватил, вот уж сорок лет мучаюсь, – кивает он в сторону жены, оба согласно посмеиваются.

Тигр со стены пялит бешеный глаз, вот-вот прыгнет, полосы на шкуре накалились... Под обвалом его африканской ярости сидит Александр Печерский, благодушный, всем довольный. На ехидный вопрос о наградах отвечает: – Боевых наград не имею. Выжил – какая ещё награда?

В 1952 году, в «докторские годы», когда арестом кремлёвских врачей начинал Сталин общесоюзный еврейский погром, Печерского как еврея и бывшего пленного «лишили доверия»: исключили из коммунистической партии и выгнали с работы. До смерти Сталина он бедствовал, в ожидании ареста умирал нервы собственной трудотерапией: по сетке металлической, которую покрыл олифой, намалевал вот этого тигра ядовитого да соткал из тряпочных обрезков ковёр по собственному узору. Пенелопа... Нервы Печерский уберёт, хотя без следов не обо-

шлось: позднее в Москве я показывал ему памятник мальчикам-ополченцам во дворе арбатской школы и перед истончёнными предметом смерти фигурками, перед птичьими головками в пилотках, перед шинелями не по росту и штыками, колющими небо, – заплакал собиборский победитель.

...Дни свои он доживал, по его мнению, почётно, да-

Александр Печерский

же три года был депутатом районного совета. Пенсию ему положили грошовую, 60 рублей в месяц (четверть тогдашней средней зарплаты по стране), только после вмешательства какого-то энтузиаста из другого города местные власти расщедрились: «за патриотическую и общественную работу» накинули до ста рублей при тогдашней средней зарплате по стране примерно 230, Печерский и рад.

Жена его тоже жаловаться не умела. Однажды нагрянули американцы-журналисты, подивились тесноте геройского жилья: всего-то две комнаты – а она им: «Что вы, две комнаты на двоих очень даже много». И мне потом со смехом: - Если б они знали, что тут в квартире ещё и соседи... Где американцам понять, что такое коммунальная квартира! Хотя соседи у нас хорошие. Идишкинд, - понятно для меня, еврея, добавила русская женщина Ольга Ивановна Печерская.

Неугомонный Печерский в лагерях завёл дневник, шифрованный. Сберёт записи при побеге, в партизанах, армии, после в госпитале расшифровал, в 1945-м был с ними в Москве у Михоэлса, Эренбурга, Каверина... Написал книжечку о собиборском восстании, её – несколько десятков страниц – в 1940-е очень нехотя, после долгой волокиты и вмешательства маститого поэта Павла Антокольского, издали подальше от центра, в Ростове-на Дону, и слову «еврей» в книжке места не нашлось. Еврейбойцы, да ещё и военнопленные – не приходились ко двору победившей Отчизне.

Помер Сталин, потеплело, в 1964 году храброе молодёжное издательство выпустило новую книгу о собиборском восстании, вымарав из рукописи

скандальное отчество Печерского - Александр Аронович стал просто Сашко. Советского читателя по-прежнему опасались ошеломлять героем-евреем. По тогдашним условиям Печерский мог бы считать себя даже обласканным: освободили от позорящей национальности.

Времена меняются. В двадцать первом веке евреи в Московском Кремле свои праздники справляют, а группа российских и израильских интеллигентов просит российского президента присвоить посмертно Печерскому звание Героя России. Вроде бы и до памятников дело доходит (говорят, такой стоит в американском Бостоне и недавно в израильской Натании поставили). В Мемориале Яд Вашем тоже перемены, однако и в новом большом музее нет ничего о Печерском (как, впрочем, и о восстании в Собиборе ни слова). Улита едет, когда-то ещё будет...

В 2005 г., через 60 лет после Великой войны, вышел в Израиле документальный фильм «Евреи во Второй мировой войне», где говорилось о евреях в американской и британской армиях, о палестинских 42-х евреях-добровольцах, из которых 7 погибло, мелькнуло имя одной из них, героической Ханы Сенеш, Ицхак Арад рассказал о евреях, воевавших среди советских партизан, даже в финале пропел куплет советской песни о гражданской войне 1920-х годов «По долинам и по взгорьям», переиначив название партизан с приамурских на прибалтийских. Вот и всё. В 45 минутах фильма о евреях Красной Армии в войне против гитлеровской Германии только и упомянуто, что было их 500 тысяч. Если глав-

ный еврейский бой так замалчивается в еврейской стране, чего же ожидать от остального мира?

Утешимся, однако. В обновлённом музее Израильского мемориала наконец-то нашлось место упоминанию о евреях-фронтовиках. В одном из последних закутков обширной экспозиции олицетворением их подвигов выставлены несколько фотографий, в том числе три скромнейших, как для паспорта, портретика избранных воинов Красной Армии, один из них изображает женщину - старшего лейтенанта, молодую, черноволосую, милую, только привлекательной улыбке чуть мешает взгляд сильный и печальный, выдающий прошлое. Оно удостоверено наградами на кителе, где ордена Ленина и два Боевого Красного знамени, и Красной Звезды, и Отечественной войны, и венец советских отличий - Золотая Звезда.

Полина Гельман

Под фотографией подписано: Полина Гельман. И сообщается, что она из Бердичева, что воевала в женском полку ночных бомбардировщиков, что у неё 869 боевых вылетов, налётано 1300 часов, что она сбросила 113 тонн бомб и что она - Герой Советского Союза. Знающий гид может присовокупить подробности, сообщить, что П. Гельман со студенческой скамьи напросилась в лётное училище и стала штурманом, что воевала на Кавказе, в Крыму, Белоруссии, Польше, Германии и что последний её вылет

был над размолоченным вдрызг Берлином 1945 года. (Сегодня и последняя радость в газетных полосах прошуршала: в израильском городе Ашкелон решено назвать её именем улицу).

Прихоть судьбы: Полина Гельман - именно та лётчица, которая в Яд Вашеме 1993 года посетовала на недостаток в музее сведений о боевых делах евреев. С её замечания начался весь этот текст.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. **С. Я. Лурье.** Антисемитизм в древнем мире. Тель-Авив, 1976.
2. **И. Арад.** Они сражались за Родину. Евреи Советского Союза в Великой Отечественной войне. Иерусалим-Москва, 2011.
3. **Л. Поляков.** История антисемитизма. Эпоха веры. Москва-Иерусалим, 1997.
4. **С. Г. Лозинский.** История инквизиции в Испании. СПб., 1914.
5. **Э. Х. Фланнери.** Муки евреев. Двадцать три столетия антисемитизма. Тель-Авив, 2001.
6. **Бат-Йеор.** Зимми. Евреи и христиане под властью ислама. Том 2. Иерусалим, 1991.
7. **Л. Поляков.** История антисемитизма. Эпоха знаний. Москва-Иерусалим, 1998.
8. **Н. И. Костомаров.** Богдан Хмельницкий. Том 1. СПб, 1884.
9. **Б. Гельман.** Забвению не подлежит. Севастополь, 2000.
10. Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1976-2005.
11. **М. Бела.** Мир Жаботинского. Иерусалим, 1991.
12. **А. Шнеер.** Плен. Т. 2. Иерусалим, 2003.
13. **В. Файтельберг-Бланк.** Бандитская Одесса. Двойное дно. М. 2002.
14. **И. Бабель.** Избранное. Москва, 1957.
15. **В. Жаботинский.** Пятеро. Иерусалим, 1990.
16. **Э. Гринберг.** Евреи стран Запада в борьбе с нацизмом. Иерусалим, 2001.
17. **М. Бегин.** В белые ночи. Москва, 1993.

18. **А. Hartglas.** Na pograniczu dwóch światów. Warszawa, 1996.
19. **А. Солженицын.** Двести лет вместе. Часть 2. Москва, 2002.
20. **Ф.Д. Свердлов.** Энциклопедия еврейского героизма, Москва, 2002.
21. **Л. Смиловицкий.** Катастрофа евреев в Белоруссии 1941- 1944 гг. Тель-Авив, 2000.
22. Еврейское сопротивление нацизму на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны 1941 - 1944 г. Сост. К.И. Козак. Минск, 2011.
23. **Б.-Ц. Даган.** Мы из восставшей Лахвы. Тель-Авив, 2001.
24. **Г. Розенблат.** Евреи в партизанском соединении С.А. Ковпака. Москва, 1998.
25. **И. Альтман.** Жертвы ненависти. Холокост в СССР 1941-1945 гг. Москва, 2002 .
26. **И. Арад.** Катастрофа евреев на оккупированных территориях Советского Союза (1941-1945). Днепропетровск-Москва, 2007.
27. Вестник Еврейского университета в Москве, 1(17). Москва-Иерусалим, 1998.
28. Егупец, № 8, Киев, 2001

Дизайн обложки и компьютерная верстка:
Дмитрий Заманский

На первой странице обложки:
скульптура Джованни Лоренцо Бернини «Давид»

*Дизайн обложки, компьютерная верстка,
печать и выпуск:*

Издательский дом «Beit Nelly Media»

ул. а-Масгер 53, Тель-Авив, Израиль

+ (972)-3-5610283, + (972)-54-4657509

www.beitnelly.com beitnelly@gmail.com